

В ТИХОМ ОМУТЕ

ВАЛЕРИЯ СОЛОДЯНКИНА

РОМА

РОМА

РОМА

РОМА

РОМА

РОМА

РОМА

РОМА

РОМА

Валерия Солодянкина

В Тихом Омуте

<https://litres.ru/74456952>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миасс, июнь 2013 года. Четыре месяца после падения челябинского метеорита.

В лесу у озера Миасово компания подростков находит иностранного учёного, который говорит про огромные фигуры на берегу и команду, которая ушла под воду. Его принимают за сумасшедшего, пока один из подростков не пропадает.

Пятеро друзей оказываются втянуты в то, о чём взрослые вокруг них молчали годами. У каждого — своя тайна и своя причина не говорить правду. И чем ближе они к разгадке, тем яснее: февральский метеорит был совсем не тем, чем кажется.

Но кто ответственен за похищение — люди или то, что живёт в озере?

В тихом омуте черти водятся. Но иногда черти — это сами люди.

Содержание

По ту сторону озера Даниэль 4 - 5 июня	4
Гаражи Егор 2 июня	17
На берегу Егор 3 июня	47
Миассово Егор 4 июня	68
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Валерия Солодянкина

В Тихом Омуте

По ту сторону озера
| Даниэль | 4 - 5 июня

Меня зовут Даниэль Леклер, и я до сих пор не понимаю, как объяснить то, что случилось со мной на озере Миассово в ночь с четвёртого на пятое июня 2013 года.

В моем полевом журнале эта ночь начинается сухой строкой: «23:47, ясно, легкий северо-западный ветер». Работали мы только после полуночи — днём округу забивал промышленный электромагнитный и акустический шум, и слабый сигнал от земли было не поймать. Ничего в этой записи не предвещало того, что я допишу ее позже — если вообще сумею дописать.

Воздух у берега стоял липкий и душный, как в парнике. Пот тонкими струйками стекал по вискам, лениво капая на тусклый экран ноутбука, а рукава рабочей куртки намертво прилипли к предплечьям. Но раздеться было невозможно — всюду бесновался лесной гнус. Вокруг нас стоял плотный, вибрирующий гул, от которого зудели зубы. Тяжёлый запах прелого раскисшего дерна под ногами смешивался со слад-

коватым, душным ароматом цветущей прибрежной травы.

— Клаус, смести штатив ещё на два метра к северу, — сказал я, не отрывая взгляд от монитора и лениво стирая со лба капли пота. — Нам нужен чистый геомагнитный след. Если эта каменная глыба четыре месяца назад раскололась в воздухе, то остатки её ядра лежат именно здесь.

Немец натужно вздохнул, переставляя тяжелые металлические опоры протонного магнитометра в размокшую прибрежную почву. Несколько минут в лагере было слышно только, как глухо и монотонно скрипели зажимы штатива, пока Клаус возился с ними в паре метров от стола. Потом этот звук железа прекратился. На секунду воцарилась тишина, которую тут же оборвал хлёсткий хлопок. Клаус шумно ругнулся, отдергивая руку от шеи, но стоило ему опустить её, как на влажную плоть тут же опустился десяток новых тварей.

— Даниэль, официальное место падения — озеро Чебаркуль, — проворчал он на нашем ломаном, угловатом рабочем английском. — Главный осколок метеорита ушёл на дно именно там. Зачем мы утюжим это Миассово? Тут только ил, грязь и эти кровососы.

— Потому что Чебаркуль и Миассово лежат на одной идеальной линии вдоль Уральских хребтов, — донёсся сзади уставший голос Сары.

Она сидела на корме покачивающейся у кромки воды надувной лодки и методично подписывала пластиковые про-

бирки с донными пробами, чиркая маркером. Рядом с ней, оперевшись сапогами в прибрежный грунт, стоял Марк. Он держал лодку за носовой трос, лениво переминаясь с ноги на ногу.

— Это ось траектории, Клаус. Даниэль прав, — Сара подняла голову, и луч её налобного фонаря на секунду резанул по прибрежным кустам, выхватив из темноты глянцевые мокрые листья. — А что, если четыре месяца назад в небе взорвался вовсе не космический хондрит? Что, если это было что-то... искусственное?

— Опять твоя фантастика, Сарочка? — Марк хмыкнул, слегка толкнув лодку коленом, отчего озёрная вода тихо плеснула о резиновый борт. — Скажи ещё, что нас сейчас тарелка заберёт.

Он поправил на поясе тяжёлый блок эхолота, ухватился за борт и неловко перевалился внутрь лодки. Резина жалобно закрипела под его весом. Сев на деревянную банку, Марк потянул на себя вёсла, проверяя уключины — они отозвались коротким металлическим щелчком.

— Ладно, сделаю ещё один заход по центру, пока ветер не поднялся. Даниэль, перепроверь частоту. Если локатор снова отвалится, я замучаюсь вслепую вёслами махать.

— Всё чисто, частота в норме, плыви уже, — отозвался я, не отрывая взгляда от таблиц на экране ноутбука.

Сара упёрлась ладонями в мокрый нос лодки, с усилием толкнула её от берега и осталась стоять у самой кромки, про-

вожая его взглядом. Лодка мягко зашуршала по прибрежному грунту, преодолела сопротивление мелководья и вышла на чистую воду. Марк сделал первый глубокий гребок. Слышно было, как лопасти вёсел с глухим хлюпаньем режут озёрную гладь, и этот звук мерно уплывал всё дальше в темноту.

— Сильно далеко не уходи! — крикнула ему вслед Сара, сложив ладони рупором.

— Да знаю я, — донёсся из черноты озера уже приглушённый голос Марка. — Дойду до вчерашней отметки и обратно.

Лодка скрылась из виду буквально через тридцать метров, растворившись в плотной уральской ночи, и на её месте остался только ровный, монотонный скрип уключин.

Я занёс пальцы над клавиатурой, собираясь запустить сканирование порта, но так и не нажал на клавишу.

Навалилась странная, неестественная тишина. Из неё исчезли вообще все привычные звуки: и шорох леса за спиной, и малейший всплеск воды у берега. Вокруг стола перестала кружиться мошकारа.

Но по-настоящему напрягло другое. Воздух в секунду стал плотным, тяжёлым. В ушах возникло давящее чувство, знакомое по резкому спуску под воду. Но небо оставалось чистым, а ветер полностью пропал. Одновременно по коже и волосам на предплечьях пробежал покалывающий статический разряд.

В горле мгновенно пересохло. Я невольно сглотнул, чувствуя, как этот тихий звук эхом отозвался в застывшем пространстве, и обернулся к Клаусу.

— Эй... Вы это чувствуете? — мой голос прозвучал неестественно глухо, придавленный новой плотностью воздуха. — Волосы дыбом встают. Будто прямо под высоковольтной линией стоим.

Клаус, фиксирующий кабель магнитометра на новом месте, медленно выпрямился. В этой мёртвой тишине его огромное тело показалось мне неподвижным силуэтом. Он неловко повёл плечами, шумно, с трудом втянул носом спёртый воздух и посмотрел на свои ладони, которые мелко вибрировали в паре сантиметров от железных стоек тента. В его глазах отражался тусклый свет монитора — и там было лихорадочное, растерянное непонимание исследователя.

— Это не гроза, Даниэль, — Клаус заговорил непривычно тихо, почти шёпотом. Он осторожно, кончиками пальцев коснулся металлической опоры тента и тут же отдернул руку. — Стойки гудят. Понимаешь? Металл бьёт током. Здесь на полсотни километров ни одного кабеля в земле нет, а нас коротит прямо в чистом поле. Какого чёрта...

Сара у кромки воды тоже обернулась к нам. В косом луче фонаря Клауса было видно её бледное лицо и округлившиеся глаза. Она прижала ладони к груди, прерывисто, шумно дыша.

— Ребята, вода... Посмотрите на воду.

Я опустил взгляд. Мелкая озёрная рябь, только что бившаяся о прибрежный грунт, исчезла. Озеро Миассово замерло в один миг, превратившись в тяжёлое, чёрное зеркало, в котором стеклянным глянцем застыли отражения звёзд.

Клаус тряхнул головой, силой заставляя себя прервать это оцепенение. Шагнув вплотную к столу, он навис над моим плечом и качнул подбородком в сторону ноутбука.

— Даниэль, проверь дисплей, — хрипло поторопил он. — Что там с телеметрией? Давай быстрее.

Я опустил взгляд на экран ноутбука и замер.

Цифры протонного магнитометра, секунду назад выдававшие абсолютную норму, вдруг сошли с ума. Бегущая кривая геомагнитного фона на графике больше не изгибалась плавно — она рванула вертикально вверх, уходя за пределы верхней шкалы.

55 000 наноТесл.

— Что за... — выдохнул Клаус над моим ухом.

58 000.

62 000.

Пальцы застыли над клавиатурой. Магнитное поле планеты не могло меняться на глазах за считанные секунды. Это был бред, физический бред, ломающий все известные законы.

— Клаус, посмотри на монитор... Что-то не так, — сиплый голос сорвался от волнения. — Датчик сходит с ума. Уже за шестьдесят тысяч.

Немец тяжело навалился ладонями на край стола, заставив ноутбук покачнуться. Он судорожно вглядывался в бегущие зелёные цифры, а затем резко обернулся к озеру и крикнул:

— Сара! Зови его назад! Пусть Марк гребёт к берегу!

На тыльную сторону моей ладони упала тяжёлая, ледяная капля. Одиночная, случайная. Я вздрогнул — она была неестественно холодной, почти обжигающей. В ту же секунду уральская темень над головами налилась непроглядной чернотой, разом погасив все звёзды.

— Даниэль... — тихо, испуганно позвала Сара, попятившись от кромки воды.

Я не успел повернуться на её голос. Из самого центра озера, снизу вверх, рванул резкий, ледяной выдох. Этот плотный, глухой поток воздуха пах мёртвой, застоявшейся глубиной. Он ударил снизу, швырнув в наши лица пригоршни сорванной прелой хвои, и в то же мгновение берег накрыл шторм.

Одиночная капля в секунду превратилась в сплошной, оглушительный поток. Ливень обрушился такой плотной стеной, что противоположный берег с вековыми соснами просто стёрло из виду. Мир сузился до трёх метров под брезентовым навесом.

— Приборы! Спасайте технику! Быстро под тент! — истошно заорал Клаус.

Он отпрянул от ноутбука, рванулся назад к воде и рывком

выдернул из размокшей земли тяжёлый протонный магнитометр, раскидав вокруг комья грязи.

Ветер ворвался под навес и сорвал со стола листы рабочих журналов — белые квадраты бумаги взмыли вверх и исчезли в чернильной темноте над озером. Я захлопнул ноутбук и вместе с папками швырнул его в центр стола, под брезент. Клаус впечатал рядом мокрую базовую станцию магнитометра.

— Марк! Назад! Гребни к берегу! — Сара махала руками в сторону озера, но луч её фонаря бился только о плотную стену ливня. Лодки в этой черноте было уже не видно.

— Даниэль, держи стойку! — Клаус навалился на правую опору тента, когда её начало вырывать из земли.

Я прыгнул к левой трубе и вцепился в скользкий мокрый металл. Сара снизу перехватила рвущиеся шнуры, наматывая их на ладони. Мы втроём превратились в живые распорки, пытающиеся удержать брезент, пока ливень слепил глаза и забивал нос при каждом вдохе.

— Где Марк?! Вы видите лодку?! — закричала Сара.

— Ни черта не видно! — Клаус мотал головой, вглядываясь в чёрную пустоту. — Марк! К берегу!

Мы звали его сквозь стену ливня, но ураган завывал так безумно, что слышать собственные крики на расстоянии пары метров было уже невозможно. В ту же секунду шторм достиг своего пика — и оборвался.

Ветер иссяк, и над Миассово повисла абсолютная, мёрт-

вая тишина. Тент замер. Стало слышно только, как тяжёлые капли редко падали с краёв брезента в застывшую, зеркальную воду.

— Марк!.. Марк, ты где?! — позвал я, ломая тишину дрожащим, сорвавшимся шёпотом.

Мы затаили дыхание, осторожно разжимая пальцы и отпуская стойки. И тут со стороны прибрежных кустов раздался тяжёлый, прерывистый вздох, а затем — родное, понятное шуршание мокрой травы.

Из темноты берега, шатаясь от усталости, медленно вышел Марк. Он был мокрый, взъерошенный, но абсолютно живой. Лодку всё-таки прибило к берегу чуть в стороне. Одежда Марка полностью промокла насквозь и облепила тело, а зубы оглушительно стучали от холода, но он уверенно шёл к лагерю, на ходу нервно выжимая край куртки кулаком.

— Ну и ураган... Мать его, — Марк хрипло, шумно выдохнул, заторможенно глядя на нас, и попытался нервно, облегчённо усмехнуться, чтобы хоть как-то разрядить этот жуткий момент. — Чуть на дно со всем снаряжением не улетел.

Сара сделала огромный облегчённый шаг ему навстречу, Клаус устало опустил плечи, шумно выпуская воздух из лёгких. На секунду нам всем показалось, что этот кошмар остался позади, а каприз уральской погоды просто решил пощадить нас. Но подойти к нам Марк так и не успел.

Ночная тьма исчезла в одну секунду, когда над озером

рванула ослепительная белая вспышка. Но этот свет не погас — он остался гореть, превратившись в сплошной купол, залив всё пространство от глади воды до макушек вековых сосен. Ядовитое сияние выжигало сетчатку такой болью, что пришлось зажмуриться, но белизна всё равно пробивалась сквозь прижатую ладонь.

И вместе со светом пришёл гул.

Это не был гром или грохот поваленных деревьев. Тяжёлый инфразвук многотонным прессом навалился откуда-то сверху, отчего воздух вокруг в мгновение ока затвердел. Пространство обрело монолитную, каменную тяжесть, сдавив мою грудную клетку снаружи. Перепонки в ушах сухо затрещали, а лёгкие заклинило на выдохе. Звук не просто вибрировал, он давил на череп изнутри, выворачивая суставы в коленях.

Но вместе с этим давящим прессом под кожу хлынул дикий жар. Казалось, что под рёбрами, прямо внутри, заживо загорелись все органы. Это пламя не обжигало кожу снаружи — оно пожирало меня изнутри. Металлические пломбы в зубах мгновенно стали раскалёнными, обжигая язык. Во рту появился тошнотворный вкус тёплой меди, а из носа по губе потекло что-то густое и горячее.

Теряя остатки разума от этой пытки, я рухнул на колени в размытую штормом холодную землю. Пальцы отчаянно рвали ворот штормовки, с мясом выдирая пластиковые замки. Нужно было содрать с себя одежду, смыть этот внутрен-

ний огонь, иначе я сгорю заживо, прямо здесь, в этой грязи. Ногти скребли по влажной земле, но боли в пальцах уже не чувствовалось — сознание выжгла эта судорога.

Глаза оставались плотно зажмурены до режущей боли, но берег вокруг полнился криками. Сквозь гул долетали сорвавшиеся вопли Клауса и Сары. Ткань палатки с треском рвало в клочья, раздавались глухие удары тел о камни. А затем, один за другим, в тишину озера обрушились глубокие всплески. Берег опустел.

— Вода... вода... дайте воды... — хрипел я, захлёбываясь собственной кровью, продираясь на четвереньках сквозь хвою и грязь к кромке озера.

Правая ладонь погрузилась в холодную воду и с размаху наткнулась на что-то мягкое, тяжёлое, лениво качающееся у самого берега.

Я замер.

Пальцы скользнули по мокрой ткани штормовки, задели пуговицы куртки, поднялись выше по влажной шее и уперлись в ледяные, неподвижные человеческие губы.

Леденящий ужас оказался сильнее внутреннего жара. Преодолевая режущую боль в веках, я распахнул глаза.

Прямо передо мной, в паре сантиметров от лица, в фосфоресцирующей озёрной ртути покачивалось тело Марка. Его остекленевшие глаза смотрели на меня с немым кошмаром. Тот Марк, который только что вышел из кустов и пытался шутить, уже давно лежал здесь, на мелководе. Он был мёртв

уже несколько минут. Лицо побелело, изо рта толчками выходила чёрная вода с тёмными сгустками крови.

Дикий крик застрял в горле, превратившись в сиплый хрип. Напрочь забыв про тлеющий под рёбрами огонь, я отпрянул назад. Оступаясь на мокрых камнях, я сполз в воду, упираясь ладонями в зыбкое дно. Сердце колотилось в самые зубы. Преодолевая сковавший тело ступор, я заставил себя вскинуть голову к небу и застыл.

Там, в выжигающем глаза белом свете, над соснами стояли они.

Эти фигуры были противоестественно высокими. Их плоские силуэты уходили так далеко вверх, что безликие головы терялись в чёрном небе над макушками двадцатиметровых деревьев. Фигуры казались абсолютно прозрачными. Они текуче преломляли и искажали белый свет, превращаясь в шевелящееся, жидкое стекло. У них не было лиц, одежды, ничего человеческого, но заливающее мир сияние чётко очерчивало их монументальные, пугающе правильные контуры.

Нас для них не существовало. Мы были муравьями под микроскопом.

Не знаю, что делают люди, сталкиваясь с силой такого масштаба. Пожалуй, молятся. Да, это было чувство, похожее на молитву — слепая мольба, полная священного страха и трепета. Сокрушительное смирение перед лицом непостижимого.

Вдруг пространство вокруг озера беззвучно поехало в сторону. Великанские стеклянные фигуры медленно наклонялись вперёд. Через всё Миассово, через километры пустоты, прямо в мою сторону. Весь видимый мир над головой крепился следом. От этого колоссального давления всё моё существо намертво сковало. Тело отказалось подчиняться командам мозга, а лицо перекосило от бессилия.

И сквозь этот предсмертный ужас, сквозь понимание собственной ничтожности, в голове взорвалась последняя вспышка слепой, горячечной ненависти к этим тварям, которые безразлично наблюдали за нашей гибелью сверху.

— Твари... — хрипло сорвалось с моих онемевших, залитых кровью губ.

Сознание мигнуло и провалилось в слепящую белую пустоту.

Гаражи | Егор | 2 июня

Автобус остановился на автостанции Миасса в половине второго дня.

Встал первым: затёкшие ноги, рюкзак на плечо, камера в руке. Два часа из Челябинска — и все два часа снимал из окна: дорогу, лес, указатели, придорожное кафе с курицей на вывеске, которую явно рисовал человек, который никогда в жизни не видел курицу. Записывал абсолютно всё. Это была моя привычка: снимать всё подряд, не думая зачем. Потом пересматриваешь, и иногда что-то оказывается важным. Чаще нет, но иногда.

Вышел на перрон. И сразу увидел их.

Четверо. Стояли у платформы, чуть в стороне от очереди, окружённые горой какого-то хайтек-оборудования. Пластиковые кейсы, штативы в чехлах, огромные рюкзаки с навесными карабинами. Два мужика и женщина разговаривали между собой. Слов было не разобрать, но интонации удалось уловить сразу. Не наши. Иностранцы.

Четвёртый из них — невысокий, пухлый, в очках — стоял чуть поодаль и гипнотизировал телефон. Потом поднял голову и огляделся с таким выражением лица, с каким смотрят на незнакомый город, когда понятия не имеют, куда идти, но изо всех сил пытаются этого не показать.

Поднял камеру. Навёл зум.

Точно, чужаки. Это было видно сразу, и дело не только в языке. По тому, как стояли, по качественной одежде, по лёгкому недоумению, с которым они разглядывали обшарпанное здание миасского автовокзала. Воспитанные люди обычно пытаются такое скрыть, но не всегда успевают.

Опустил камеру и почему-то сразу подумал про Сноудена. Сноуден сбежал из Штатов ещё в мае, и эта тема тогда гремела везде: в каждой новости, в каждом паблике «ВКонтакте». Слил секретные документы про слежку, американцы объявили его в розыск, он застрял где-то в транзитной зоне, и никто не знал, куда он денется дальше. Одни орали, что он шпион, другие — что герой, третьи — что полный идиот. Короче, обсуждали абсолютно все.

И вот теперь — какие-то иностранцы со спецприборами на автобусной станции уральского городка в июне две тысячи тринадцатого.

Снова поднял камеру. И тут же опустил.

Нет, это было глупо. Шпионы не приезжают на рейсовом автобусе с алюминиевыми штативами в чехлах. Хотя, с другой стороны, прикинуться обычными учёными с кейсами — идеальная маскировка.

Пухлый в очках оторвался от экрана и посмотрел прямо на меня. Он поглядел секунду — рассеянно, без особого интереса, как смотрит человек, случайно поймавший чужой взгляд посреди своих мыслей. А затем снова уткнулся в телефон.

Внутри наконец все выдохнуло, но сделать свой лучший кадр за сегодня духу так и не хватило.

Не шпион. Настоящий агент смотрел бы иначе. Скорее всего, учёные. Приехали после метеорита — про таких много говорили. Европейцы, американцы, японцы — все ломались на Урал за осколками.

Мои изыскания прервал Антон. За год двоюродный брат прилично вытянулся, но узнать его удалось не сразу — идиотские светлые кудри на макушке сбивали с толку. Волосы он отпустил, а отдельные пряди вытравил перекисью или какой-то краской, да ещё и завил кольцами. Антон явно пытался изобразить небрежный стиль, но со стороны эти старания выглядели слишком заметно и смешно, будто брат битый час крутился перед зеркалом.

Он замер у выхода с автостанции, засунув руки в карманы, и уставился на меня с таким видом, словно это ожидание длилось вечность, хотя автобус пришёл минута в минуту.

— О, — выдавил он. — Живой.

— Живой, — кивнул в ответ, не убирая камеру.

— Похудел, что ли?

— Нет.

— Нет, похудел. — Антон оглядел меня сверху вниз. — Или это шмотки такие. Где ты взял эту куртку?

— А что с ней не так? — взгляд невольно опустился на собственные рукава. Эту куртку мама напялила на меня в последний момент, панически боясь вечерних уральских за-

морозков.

— Всё с ней так. Она просто... — Брат помолчал, подыскивая слово. — Ну, в ней только зимой на озере в лунку пердеть, когда минус тридцать. Самое то.

— А здесь разве тепло?

— Июнь, Егор.

Спора не получилось, а брат настойчиво повторил: «Июнь», — как будто это слово разом всё объясняло. Оставалось только переводить взгляд с его тонкой, выдавшей виды футболки на свою плотную куртку и обратно.

— Всё-всё, — поднял ладонь в знак капитуляции. — Понял.

— Камеру новую взял? — Антон уже вовсю разглядывал аппарат у меня в руке. — Дай заценю.

— Не дам. Ты в прошлый раз угробил мой телефон.

— Там был совсем другой контекст! — Антон с пафосом взмахнул рукой, будто выступал на трибуне, но тут же бесцеремонно потянулся к технике. — Дай просто гляну.

— Антон.

— Егор.

Со вздохом пришлось уступить. Брат повертел камеру, быстро нащупал кнопку записи и навёл объектив мне прямо в лицо.

— Скажи что-нибудь для истории.

— Верни мою камеру.

— Нет, серьёзно, выдай спич. Будет документальный

фильм о твоём триумфальном приезде в Миасс.

— Антон, хорош.

— Говори, — он состряпал мину серьёзного репортёра.

— Как вы себя чувствуете, молодой человек, прибыв в наш прекрасный курортный мегаполис?

— Я чувствую, что хочу обратно домой.

— Неплохо, — Антон нажал стоп. — Оставим для финального монтажа.

Аппарат удалось отобрать обратно. Брат уже потерял к нему интерес и смотрел куда-то мне за спину.

— Кто это вообще такие? — спросил он.

Пришлось обернуться. Иностранцы как раз начали пихать свои приборы в багажники двух внедорожников. Пухлый в очках вовсю руководил процессом, размахивая руками и показывая, как именно нужно укладывать кейсы. Высокий рыжебородый мужик молча закидывал в багажник самые тяжёлые ящики, и на его запястье на солнце ярко поблёскивал широкий стальной браслет.

— Не знаю. Учёные, наверное.

— Понятно. — Антон проводил их взглядом. — После метеорита их тут как грибов после дождя было: приедут, потыкают палками в землю — и обратно. Некоторые вон до сих пор успокоиться не могут, всё ездят и ездят.

Пухлый в очках снова поднял голову и зыркнул в нашу сторону. Камера поспешно пошла вниз.

— Ты его боишься, что ли? — хмыкнул Антон.

— Никого я не боюсь.

— Да ладно, он тебя уже раза три с поличным поймал.

— Два.

— Три, — брат явно забавлялся. — Специально считал.

Антон развернулся и зашагал к выходу с перрона.

— Погнали уже, мать котлет нажарила. И вообще, не снимай людей без спроса, это невежливо.

— Ты меня только что сам без спроса снимал!

— Это другое. Ты родственник, тебе положено.

Дом Антона стоял в пяти минутах от автостанции — классическая панельная пятиэтажка без лифта. Брат сам тащил мой рюкзак, проигнорировав все протесты. Он перехватил его еще на перроне одним уверенным движением, и спорить дальше было просто бесполезно.

В подъезде аппетитно пахло домашней едой: жареными котлетами и варёной картошкой. Антон открыл дверь своим ключом, даже не думая звонить.

Тётя Оля возилась у плиты. Она сразу обернулась и широко улыбнулась — так улыбаются только тогда, когда действительно рады твоему приезду, а не просто из вежливости.

— Егор! — она выбежала в коридор и крепко меня обняла. — Вырос-то как, совсем большой стал.

— Здравствуйте, тётя Оля.

— Так, руки мыть — и живо за стол, — скомандовала она, уже возвращаясь к своим делам. — Антон, покажи Егору, где полотенце.

— Да сам найдёт.

— Антон!

— Справа от раковины, — буркнул брат мне. — Синее.

За столом было на редкость хорошо: котлеты настоящие, мясные, картошка со сметаной и свежий хлеб. Всё это уплеталось с огромным аппетитом, попутно приходилось отвечать на вопросы тёти Оли про родителей, школу и планы на лето. Антон сидел напротив и иногда вставлял что-то необязательное, просто чтобы было. Вскоре тётя Оля ушла куда-то, и мы остались вдвоём.

— Ну, — сказал Антон, отодвигая пустую тарелку. — С приездом.

— Спасибо.

— Скучно тут у нас.

— Да?

— Нет, — он усмехнулся. — Не скучно. Но, скажу честно, первые дня три тебе будет казаться, что тут тоска смертная. Потом привыкнешь.

— А потом?

— А потом поймёшь, что не скучно. Просто тихо. Это совсем другое.

Около пяти вечера мы наконец вышли во двор. Картина тут была классическая: лавка под раскидистой берёзой, старые качели с ржавыми цепями, а чуть дальше тянулся ряд железных гаражей. Сразу за ними, без всякого перехода, глухой стеной начинался плотный тёмный лес. Летнее солнце

ещё приятно грело, но уже совсем не жгло.

Антон по-хозяйски опустился на лавку — не выбирая место, а просто сел туда, где, очевидно, торчал каждый день. Мои руки снова, как-то совсем произвольно, потянулись к камере.

— О, снимай, — оживился он. — Давай, включай.

— Что снимать-то?

— Меня, конечно, — брат вальяжно откинулся на деревянную спинку и состряпал каменную мину репортёра. — Это документальный фильм о моей жизни. Сцена первая: главный герой сидит во дворе и ждёт друзей. Социальная драма.

— Ты реально ждёшь друзей?

— Я жду друзей, — подтвердил он всё тем же пафосным голосом. — Экзистенциальное одиночество, понимаешь?

Палец привычно нажал на запись. Антон упрямо удерживал серьёзное выражение лица секунды три, но потом всё-таки не выдержал, прыснул от смеха и резко отвернулся от объектива.

— Всё, стоп, брак, переснимем! Я просто не подготовился.

— Ты же сам сказал: снимай.

— Ну, я не был морально готов. Это другое.

Смех Антона оборвался, когда в кадр со стороны гаражей медленно зашёл коренастый, коротко стриженный парень. Это был Никита. Он шёл не торопясь, засунув руки в карма-

ны спортивных штанов — типичный местный боец. На ходу он окинул меня долгим, изучающим взглядом, но без всякой враждебности.

— Это который? — спросил он у Антона, даже не поздоровавшись.

— Двоюродный. Из Челябинска.

— А, — Никита тяжело опустился на лавку рядом с братом и сразу уставился на прибор у меня в руке. — Убери.

— Да я и не снимаю тебя.

— Всё равно убери, — повторил он абсолютно спокойно, без злобы, как будто просто констатируя факт. — Не хочу, чтобы эта штука вообще была направлена в мою сторону.

Камера послушно пошла вниз. Никита тут же достал телефон, всем видом показывая, что разговор на этом исчерпан. Раз он так решил — значит, так и есть, спорить с ним не хотелось ещё сильнее, чем с Антоном. Но уже в начале шестого пришла Яна: тёмные прямые волосы, джинсы, кеды — тонкая и острая, как иголка. Типичная отличница, которая даже на каникулах выглядит безупречно. Парням она просто кивнула, а ко мне повернулась отдельно.

— Привет. Ты Егор?

— Да.

— Антон говорил, что ты приедешь.

— Один раз упомянул, — лениво вставил с лавки брат.

— Три раза, — без запинки поправила его Яна. — В понедельник, в среду и в четверг.

— Среда не считается.

— Это ещё почему?

— Там контекст был совсем другой. Более сложный, —
Антон пафосно состряпал умную мину.

— Какой ещё контекст, Антон?

— Сложный, Яна. Очень сложный.

Она посмотрела на него с выражением лица человека, который уже очень давно перестал требовать от этого пижона вменяемых объяснений. А затем перевела взгляд вниз и увидела камеру в моих руках.

— О, сними меня, — неожиданно попросила она.

Антон закатил глаза — медленно, демонстративно и с глубоким вздохом.

Камера послушно пошла вверх. Яна сразу выпрямилась и аккуратно убрала волосы за ухо.

— Подожди, — замялась она на секунду. — Как я вообще выгляжу?

— Нормально.

— «Нормально» — это не ответ, Егор, — она строго поправила воротник куртки. — Ладно. Снимай.

Нажал на запись.

— Дай посмотрю, что получилось, — она шагнула ближе.

Маленький экран развернулся в её сторону. Яна всматривалась в него секунды три, а затем категорично отрезала:

— Переснимем.

— Почему? Все отлично.

— Я моргнула в кадре.

— Да не моргала ты.

— Моргала. Я всегда чувствую, когда моргаю.

— Яна, — подал голос Антон.

— Что?

— Завязывай. Тут тебе не кастинг в модельное агентство.

— Помолчи, — бросила она без всякой злобы.

Пришлось сделать второй дубль. Она снова изучила картинку на дисплее и наконец удовлетворённо кивнула:

— Хорошо. Спасибо.

— Пожалуйста, — аппарат вернулся в исходное положение.

Антон в это время демонстративно созерцал небо с видом человека, который уже очень давно смирился со всеми странностями этой компании.

Полина пришла только через двадцать минут. Она появилась со стороны улицы — высокая, заметно сутулившаяся, как часто делают высокие люди, подсознательно скрывая свой рост. Светло-каштановые волосы волнами падали на плечи и казались слегка растрёпанными. На лице поблёскивали веснушки, а рукава кофты, несмотря на июньское тепло, были натянуты по самые пальцы.

Никита на секунду замер, оторвавшись от экрана, скользнул по ней странным, слишком долгим взглядом. А затем как-то чересчур резко снова уткнулся в телефон, принявшись усердно свайпать пустой дисплей.

Полина тихо, буквально, одним словом, поздоровалась со всеми. Заметив меня, а следом и камеру, она не выдала вообще никакой реакции. Спокойно прошла мимо и опустилась на самый край скамейки, чуть в стороне от остальной компании. Она вытащила один наушник, оставив второй висеть на проводе, и молча уставилась на серые коробки гаражей.

Объектив сам собой плавно повёл в сторону, снимая общую панораму двора: лавку, раскидистую берёзу, гаражный кооператив. Но вся эта картинка теперь казалась лишь фоном, потому что в центр кадра, залитый мягким вечерним светом, упрямо просился тонкий профиль Полины. Она задумчиво смотрела куда-то вдаль, совсем не замечая чужого взгляда. Казалось, если сейчас нажать на кнопку, время остановится навсегда.

— Это Егор, — представил меня Антон, нарушая тишину непривычно тихим, растерявшим всю былую спесь голосом. — Мой двоюродный брат. Приехал к нам на всё лето.

Полина медленно повернула голову, посмотрела на меня и коротко кивнула.

— Он тут с камерой бегает, — глухо добавил Никита, так и не поднимая глаз от телефона.

Полина перевела взгляд на аппарат, а затем снова вернулась к созерцанию гаражей.

Антон звонко хлопнул себя по коленям и поднялся:

— Ну что, народ, погнали погуляем?

Никита наконец убрал мобильник. Полина встала первой

— молча и без суеты, будто заранее знала, что именно так всё и будет. Яна привычным движением поправила волосы. И вся компания двинулась со двора.

Железные боксы начинались сразу за углом пятиэтажки. В нос тут же ударил густой, въедливый запах машинного масла и сухой, выжженной солнцем травы. Между длинными рядами коробок тянулся узкий проезд, где сквозь трещины в старом асфальте упрямо пробивались зелёные стебли. Антон уверенно шёл первым, прекрасно зная здесь каждый поворот. Никита шагал с ним в ногу. Яна держалась чуть позади них. Полина двигалась сбоку, особняком, словно её путь лишь случайно совпадал с нашим маршрутом.

Съёмка шла прямо на ходу: обшарпанные стены гаражей, узкая полоска неба между крышами, мерно шагающие ноги парней впереди.

— Смотри, вон Артём потащился, — Никита кивнул в сторону дороги за гаражами, где мелькала нескладная, чуть сутулая фигура с рюкзаком на одном плече.

Руки среагировали раньше головы — камера сама поднялась. Поймал его в кадр: длинная мешковатая толстовка явно не по размеру, шаг неровный, будто через раз он сверялся взглядом с землёй под ногами.

— Кто это? — опустил объектив.

— Артём. Из параллели у меня, — Никита сплюнул сквозь зубы. — Десятый класс.

— А чего он тут делает, если из старшей школы?

— С нами иногда тусуется, — нехотя признался Антон.

— У себя как-то не особо получается.

— В смысле не получается?

— В том смысле, что его собственный класс с ним вообще не общается, — коротко пояснила Яна, не отрывая взгляда от телефона. — Будто его там нет.

— А почему?

Антон неопределённо повёл плечом:

— Несуразный он просто. Со странностями. Нам не мешает, вот и таскается за нами.

— Он нормальный, — вдруг подал голос Никита, куда серьёзнее, чем требовал вопрос. — Просто подмечает всякое. Такое, о чём остальные вообще не думают.

— Например?

Никита промолчал, глядя вслед фигуре, уже скрывшейся за рядом гаражей.

Больше никто ничего не сказал. Наш маршрут резко вильнул в сторону. Мы завернули за угол, и между гаражными боксами открылся небольшой тупик — что-то вроде скрытого от чужих глаз пятака. У стены одной из железных коробок сиротело старое, продавленное кремовое сиденье. Ободранное, покрытое грязными пятнами, оно явно стояло здесь годами. Рядом вместо стола примостился перевернутый пластиковый ящик из-под пива.

Прямо за этим тайным пристанищем глухой стеной начинался плотный тёмный лес. Летнее солнце уже скрылось за

вершинами старых сосен, и оттуда, из глубины чащи, сразу потянуло густой прохладой и запахом сырой хвои.

— О, — оживился Антон. — Диван на месте.

— Он всегда на месте, — глухо отозвался Никита. — Это вечный артефакт.

— А чей он вообще? — как-то само собой вырвалось у меня.

— Ничей, — пожал плечами брат. — Он просто существует вопреки времени.

— Он стоял тут, ещё когда мы были мелкими, — вспомнила Яна. — Лет пять, наверное.

— Восемь, — без запинки отрезал Никита. — Я его с первого класса помню.

— И откуда он вообще взялся?

— Никто понятия не имеет, — Антон пафосно развёл руками. — Это одна из главных тайн мироздания.

Полина молча подошла к дивану и села. Без лишних слов, словно ради этого места сюда и шли. Она вальяжно вытянула ноги, снова уставившись куда-то мимо нас.

Остальные потянулись следом: парни плюхнулись рядом с ней, Яна аккуратно примостилась на пивном ящике. После минуты неловкого топтания рядом оставалось только сесть на корточки, прислонившись спиной к прохладной металлической стене гаража.

— Антон, — Никита закинул голову назад, прислонившись к стене. — Расскажи про крышу.

— Какую ещё крышу?

— Ну, ту самую.

Антон бросил на меня быстрый, оценивающий взгляд — так смотрят, когда прикидывают, стоит ли доверять секреты новому человеку.

— Он вообще нормальный? — спросил брат у Никиты, кивнув в мою сторону.

— Без понятия, — отозвался тот. — Пока не определил.

— Да нормальный я, — обида заставила меня буркнуть это чуть громче, чем планировалось.

— Все так говорят, — спокойно отрезал Никита.

— Да ладно тебе, расскажи, — вступилась Яна, скрестив руки на груди. — Он твой двоюродный брат, хуже не будет.

Антон помолчал секунду, взвешивая за и против, а потом начал:

— В прошлом году мы залезли на крышу нашей школы. Ночью.

— Зачем?

— Никита уверял, что оттуда видно весь город.

— И как, видно? — любопытство всё-таки перевесило.

— Видно, — подтвердил Никита. — Весь Миасс и ещё немного.

— И что вы там обнаружили?

— Да ничего особенного. Город, огни. Красиво.

— И сторожа, — добавил Никита.

— Ну да, и сторожа.

— Он вас поймал?

— Почти, — ухмыльнулся Антон.

— Никакого «почти», — перебил Никита. — Он нас просто пропалил. А мы рванули так, что пятки сверкали.

— Это и называется «почти поймал».

— Это называется «не поймал».

Яна слушала их с видом человека, который тоже участвовал в том квесте, но помнит всё совершенно иначе.

— Вы тогда орали как резаные, — вставила она.

— Мы не орали.

— Это Антон орал. Я помалкивал.

— Я всё слышала.

— Ты тоже там была? — взгляд удивлённо переместился на Яну.

— Нет, — покачала она головой. — Я ждала внизу.

— Почему?

— Потому что лезть туда было глупо.

— Но ты всё равно караулила.

— Кто-то должен был остаться снизу, — ответила она просто, без капли иронии. — Вдруг что-то случилось бы.

Никита пристально посмотрел на неё:

— Ты просто никогда не признаешь, что тебе тоже дико хотелось залезть.

— Мне не хотелось.

— Хотелось.

— Никита.

— Хотелось, Яна. Ты сдрейфила только потому, что побоялась отцовского гнева. Если бы он узнал — тебе была крышка.

Яна промолчала. Короткое, глухое безмолвие вышло красноречивее любого ответа. Антон демонстративно отвернулся в сторону, из последних сил сдерживая смех.

Полина всё это время гипнотизировала небо в узком проёме между крышами гаражей. Слушала она их или нет — оставалось загадкой. Она сидела здесь, со всеми, и одновременно находилась где-то бесконечно далеко.

— А ты? — вырвалось в ее сторону.

Она опустила взгляд и посмотрела прямо на меня.

— Что?

— Ну, на крышу. Ты лазила со всеми?

Полина задумалась на секунду.

— Нет, — тихо ответила она.

— Почему?

Она равнодушно пожала плечами:

— Я и так знаю, как выглядит город сверху.

— Откуда?

Вместо ответа она просто отвернулась и снова уставилась на узкую полоску неба между крышами. Никита недолго и как-то странно смотрел на неё, а потом тоже отвёл взгляд.

Антон выудил из кармана мобильник, что-то включил, и из динамика негромко потекла чуть хриплая музыка. Мелодия была смутно знакомой, но я не сразу сообразил, что это.

— Градусы? «Кто ты»? — догадка подтвердилась сама собой.

— Они самые, — кивнул брат. — У нас в классе их все поголовно слушают.

— У нас тоже, — подал голос Никита. — Кроме Яны.

— Я слушаю, — тут же отозвалась та.

— Ты слушаешь, но дико стесняешься в этом признаться.

— Ничего я не стесняюсь! Просто не понимаю, зачем всем подряд докладывать о своих вкусах.

— Это и называется — стесняться, — хмыкнул Никита.

— Это называется — личное пространство.

— Никитос, — лениво вмешался Антон, — хорош докапываться до человека.

— Да я и не докапываюсь. Просто разговариваю.

— Ты пристаёшь, а называешь это разговором.

Никита открыл было рот, чтобы выдать очередную шпильку, но лишь махнул рукой. Он поглубже вжался в спинку продавленного дивана и закрыл глаза.

На пятаке стало тихо. Это была на редкость хорошая тишина — не неловкая пауза, а уютное коллективное молчание. Музыка с телефона Антона словно растворилась в воздухе, уплывая куда-то далеко, и сквозь неё проступил далёкий гул городских дорог и ленивое чириканье птиц в соснах.

Мои руки снова по привычке нащупали камеру, но поднимать её не стали — просто оставили лежать на коленях. Полина скользнула взглядом по объективу, затем перевела

глаза на меня, но промолчала. Никита даже не пошевелился. Яна машинально потянулась поправить волосы, но вовремя сообразила, что мой объектив смотрит вообще в другую сторону, и смущённо опустила руку. Антон поймал этот жест и тихо заржал себе в подмышку.

— Что? — нахмурилась она.

— Ничего, — ухмыльнулся он.

Мы сидели так до тех пор, пока не начало плавно темнеть. Июньские сумерки в этих краях длинные и тягучие: небо над головой сначала окрасилось в нежно-розовый, потом подернулось пепельно-серым и лишь затем стало совсем тёмным. Трек на телефоне сменялся треком. Разговор перетекал сам собой, лениво и без всякой темы, виляя от одной глупости к другой.

Под конец Никита лениво пересказал ещё одну байку из «Подслушано» — про мужика, который нашёл на рынке кошелёк, вернул хозяйке, а та оказалась его бывшей учительницей, ставившей ему двойки в начальной школе.

— И что дальше? — пришлось вставить в паузу.

— Да ничего. Отдал кошелёк и ушёл.

— Это весь финал?

— Весь, — Никита пожал плечами. — Жизнь — боль. Никакой справедливости.

— Мог бы и занюхать, — вставил Антон.

— Мог. Но отдал.

— Значит, правильный мужик.

— Или тупой.

— Или просто нормальный, — упрямо повторил брат.

Яна, до этого слушавшая молча, негромко вклинилась в разговор:

— Правильно сделал, что вернул.

— Ну естественно, ты именно так и скажешь, — хмыкнул Никита.

— Почему это «естественно»?

— Потому что у тебя всегда всё чётко: правильно, неправильно. На любой случай готовый ответ из учебника.

— Потому что некоторые вещи элементарны.

— Ничего в этой жизни не элементарно, — отрезал Никита. — Вообще ничего.

Яна посмотрела на него спокойно, без тени раздражения:

— Чужую вещь надо возвращать. Это очевидно.

— А если там лежал миллион?

— Без разницы.

— Миллион, Яна!

— Всё равно.

Никита лишь обречённо покачал головой — спорить с её моральным кодексом было бесполезно. Антон со смешком перевёл взгляд на меня:

— А ты, челябинец? Вернул бы?

Пришлось задуматься на секунду.

— Смотря какая сумма.

— О! — Никита победно ткнул в мою сторону пальцем.

— Вот он, честный ответ.

— Это нечестный ответ, — строго отчеканила Яна.

— Как раз таки честный, — заступился Никита. — Все так думают, просто у остальных духу не хватает признаться.

Полина, которая всё это время тихо сидела на самом краю дивана и крутила в пальцах провод наушника, вдруг негромко обронила в пустоту:

— В том кошельке было сто рублей.

Мы все одновременно уставились на неё.

— Ты-то откуда знаешь? — прищурился Никита.

— В посте написано было. Вы просто до конца не дочитали.

Никита лихорадочно разблокировал телефон, пару секунд вглядывался в экран и молча его закрыл.

— Сто рублей, — тупо повторил он.

— Сто рублей, — подтвердила Полина и снова отвернулась к гаражам.

Антон прыснул и по-детски, до слёз захихикал:

— Господи, развели дебаты из-за сотки!

— Принципы не измеряются в валюте, — Яна упрямо расправила плечи.

— Ну да, ну да, — проворчал Никита. — Принципы.

Стемнело незаметно: фиолетовые сумерки плавно перетекли в глубокую синеву, а затем небо стало совсем чёрным. Между гаражными боксами автоматически зажёгся старый уличный фонарь — тусклый, грязно-жёлтый, он неровно за-

ливал светом наш пятак.

Полина поднялась первой.

— Мне в Караси пора, на пригородный автобус, — негромко сказала она.

— Когда следующий? — поинтересовался Антон.

— Через двадцать минут, — она уже вставляла в ухо второй, болтавшийся на проводе наушник. — Если опоздаю на этот, последний будет только в десять.

— Дойдёшь одна-то? — глухо спросил Никита.

— Дойду.

— До трассы далеко вообще-то. Провожу, — он уже начал приподниматься с продавленного дивана.

— Не надо, — отрезала Полина. Голос у неё стал непривычно холодным и твердым. — Никому со мной идти не нужно. Доеду сама.

Никита замер на полпути. Он посмотрел на неё — тяжело, долго и как-то слишком серьезно. В этом взгляде было не просто упрямство, а какое-то мрачное подозрение. Но говорить он ничего не стал: медленно опустил обратно и мгновенно замкнулся.

Полина попрощалась со всеми одним коротким кивком и скрылась за углом гаражного ряда. Через секунду её силуэт полностью растворился во тьме — сначала затих шуршащий звук шагов, а затем пропал и он. Где-то далеко на трассе глухо взревел мощный автомобильный мотор, на секунду полоснув по верхушкам сосен светом фар, но на пятаке это-

го никто не заметил. Никита ещё какое-то время неотрывно хмурился туда, куда она ушла, а потом молча вытащил мобильник.

Яна засобиравалась следом. Она привычно поправила волосы и встала со своего ящика.

— Мне тоже пора, — вздохнула отличница. — Отец строго к десяти ждёт.

— Так уже без пяти, — заметил Антон, глянув на экран своего телефона.

— Знаю, — она тепло попрощалась со всеми по очереди, а на мне на секунду задержала взгляд. — Ну, до завтра, Егор.

— До завтра.

Никита ушёл последним, без лишних церемоний и объяснений: просто поднялся, бросил короткое «пока» и зашагал в сторону улицы. Точно так же, как и пришёл, — медленно, вразвалочку, засунув руки глубоко в карманы спортивных штанов.

Мы остались на пятакe вдвоём с Антоном.

Брат никуда не торопился. Он лениво развалился на продавленном диване и гипнотизировал тусклый жёлтый плафон. Трек на его телефоне затих, но включать что-то новое он не стал. Вокруг нас сгустилась тяжёлая, давящая ночная тишина.

— Ну, — сказал Антон наконец, прерывая молчание. — Как тебе банда?

— Нормально, — последовал короткий ответ.

— «Нормально» — это не ответ, челябинец.

— Интересно.

— Вот это уже лучше, — он поднялся и лениво потянулся.

— Погнали домой, а то мать волноваться будет.

Дорога через гаражные лабиринты вела обратно во двор. Одиноким уличным фонарь тускло караулил пустую лавочку, а раскидистая берёза замерла в абсолютной ночной неподвижности.

— Антон, — пришлось позвать брата, когда мы наконец свернули к подъезду.

— М-м?

— А Полина реально каждый день сюда из своих Карасей мотается?

Брат помолчал секунду, глядя под ноги.

— Почти, — глухо бросил он. — Когда получается.

— Это далеко вообще?

— Километров двадцать.

Расстояние прилично впечатляло, так что до самого дома больше не проронили ни слова. Тёмный подъезд встретил прохладой. И уже на лестнице Антон тихо добавил, словно в пустоту:

— Ей просто нравится бывать здесь, с нами. Дома у неё... не очень.

Больше он ничего не сказал. А расспросы в такой момент были явно лишними.

В квартире царила сонная тишина: тётя Оля уже легла,

оставив гореть только тусклую лампу на кухне. На столе Антона ждал поздний ужин — тарелка, заботливо прикрытая другой тарелкой, и короткая записка рядом. Брат мельком мазнул по ней взглядом и молча сунул в карман джинсов.

— Голодный? — шёпотом спросил он.

— Нет.

— Я тоже.

Мы разошлись по комнатам: быстро умылись и переоделись. Мою раскладушку тётя Оля примостила у стены, а кровать Антона стояла напротив, у самого окна. Между нами было от силы метра полтора.

Брат лёг, зажёл экран телефона и принялся лениво листать какую-то ленту. Руки привычно закинулись за голову, взгляд уставился в потолок. За стеклом стояла серая, призрачная уральская ночь — та самая короткая июньская полутьма, когда солнце уходит за горизонт всего на пару часов.

Было оглушительно тихо.

— Не спишь? — негромко спросил Антон.

— Нет.

— Нормально. Я на каникулах обычно до двух колоброджу.

— До двух?

— Иногда и до трёх, — он перевернулся на бок и отложил телефон. Экран погас. — Лето такое. Не хочется.

— Чего не хочется?

— Спать. И темноты этой, — брат помолчал. — Зимой-то я в десять уже отрубаясь.

Глаза закрылись сами собой. Где-то далеко на улице проехала машина, бледный отсвет фар плавно скользнул по потолку нашей комнаты и растаял в углу.

— Слушай, — Антон подпёр голову рукой. — А ты реально видел метеорит? Ну, тогда, в феврале.

— Видел.

— И как оно? Просто вспышка?

— Сначала свет. Бешеный, прямо через закрытые шторы. Всё произошло сквозь сон, спросонья даже показалось, что просто приснилось. А потом бахнул звук. Минуты через полторы, наверное.

— Громко?

— Очень. Стёкла в рамах заходили ходуном, мать из своей комнаты закричала.

Брат молча слушал, не перебивая.

— Я сразу на балкон выскочил, — продолжал я, глядя в потолок. — Там уже все соседи торчали, в одну сторону смотрели. В небе висел след: белый, длинный, раздваивался посередине и медленно так расходился в стороны. Похоже на инверсионный хвост от самолёта, только шире в сто раз.

— Страшно было?

— Потом. Когда дошло, что вообще произошло.

— А когда на камеру снимал, страха не было?

— Нет. Когда я смотрю в видеоискатель, я отключаюсь. Не думаю. Просто фиксирую картинку.

Антон снова лёг на спину:

— Это интересно.

— Что именно?

— Ну, что ты отключаешься, когда снимаешь. Я так не умею. Я всегда думаю.

— О чём?

— О всяком, — глухо бросил он после паузы. — О том, как выгляжу со стороны. Что люди скажут. Правильно ли я делаю.

— И что, сильно мешает?

— Иногда, — признался он после долгой паузы. — Ты заметил, кстати, что Никита тебя сразу принял?

— Он вообще-то велел мне камеру убрать.

— Это и есть «принял». Если бы ты ему не понравился, он бы вообще слова в твою сторону не выронил.

Эта мысль требовала осмысления, отзываясь в голове странным удивлением.

— А Полина? — сорвался новый вопрос.

Антон замолчал. В комнате стало так тихо, что показалось, будто брат уже уснул.

— Полина сложная, — наконец глухо раздалось от окна.

— В каком смысле?

— Да во всех. Она умная. Умнее нас всех, вместе взятых, наверное. Просто не считает нужным это показывать.

— Но почему?

— Без понятия. Может, незачем. — Брат тяжело вздохнул. — Помнишь, она сказала, что знает, как выглядит город

сверху? Ты ведь спросил её, откуда.

— Спросил. Она проигнорировала.

— А я знаю откуда, — тихо обронил Антон.

— И откуда же?

— Там, в лесу за гаражами, есть одно место. Она туда тайком сбегает. Это её личная территория, и она никому не говорит, где именно она находится.

— А ты сам в курсе?

— Примерно, — Антон перевернулся на другой бок, спиной ко мне. — Всё, спи. Завтра вставать рано незачем, но всё равно вырубайся.

— Антон.

— М-м?

— Ты на перроне обмолвился, что после метеорита здесь что-то изменилось. Что именно?

Повисло тягучее молчание. Надежда на ответ почти пропала.

— Не знаю, как правильно объяснить, — неохотно выдал он. — Просто всё стало каким-то другим. Тихо по-другому, понимаешь? Раньше эта лесная тишина была нормальной, привычной. А теперь иногда кажется, что она... ненастоящая. Будто это не просто отсутствие звуков.

— А что тогда?

— Не знаю, Егор. Спи давай, — голос у него был уже совсем сонным.

Оставалось только лежать один на один со своими мысля-

ми, гипнотизируя потолок.

За стеклом постепенно серело: призрачная белая ночь упрямо не пускала в комнату полноценную темноту. И вдруг где-то невыносимо далеко, на самой грани слышимости, раздался странный гул. Он шёл со стороны заповедника — ровный, низкий, монотонный, без единой паузы. Пришлось мысленно успокоить себя тем, что это работает какой-нибудь далёкий завод на промзоне.

Но наконец глаза закрылись, и сознание провалилось в сон.

На берегу | Егор | 3 июня

Разбудила нас тётя Оля. Без стука распахнула дверь и замерла в проёме, оглядывая комнату. Антон недовольно замычал и уткнулся лицом в подушку, а у меня перед глазами с самого пробуждения зависла тонкая трещина на потолке — со спросонья казалось, будто она медленно ползёт в угол, как чёрная змея.

— Живые? — спросила она.

— Нет, — глухо отозвался брат в матрас.

— Жаль. А завтрак стынет.

— Поставь в холодильник.

— Уже убрала, — она прислонилась к косяку и скрестила руки на груди. — Антон, ты вчера опять таскал человека по гаражам?

— Мы просто гуляли.

— По гаражам!

— Это тоже часть города.

— Замечательная часть, — тётя Оля перевела строгий взгляд на меня. — Егор, тебе понравились наши гаражи?

— Нормально, — пробормотал спросонья.

— Нормально, — кивнула она. — Так, Антон, бери велики и возьми брата на Тургояк.

— Прямо сегодня?

— Нет, в следующей жизни. Конечно, сегодня.

— Мам, ну мы только вчера приехали...

— Именно, — она оттолкнулась от косяка. — Подъём. Бутерброды на столе.

Тётя Оля ушла на кухню. Антон полежал ещё секунду, а потом нехотя сел. Его светлые крашенные пряди торчали во все стороны.

— Слышал? — вздохнул он.

— Слышал.

— Это она ещё в хорошем настроении, — проворчал брат.

Из дома мы выкатились в половине одиннадцатого.

К нам присоединились остальные. Пятеро на великах, мы весело неслись по Тургорякскому шоссе, рассекая лесную прохладу. Антон крутил педали впереди, Никита держался с ним вровень. Яна ехала чуть позади — ровно, аккуратно, строго соблюдая дистанцию. Полина то безнадёжно отставала, то неожиданно обгоняла всех на полной скорости, словно ей было абсолютно плевать, на какой позиции находиться.

Съёмка велась прямо на ходу: серая полоса асфальта, уходящие вверх кроны сосен, спины ребят. Встречный ветер яростно свистел в микрофон, и картинка на маленьком экране ощутимо дрожала. Никита недовольно зыркнул через плечо, на что Антон спереди громко и беззаботно рассмеялся в пространство, перебивая любой возможный спор.

Шоссе уверенно уходило вглубь леса. Вековые сосны плотно смыкались над головой, создавая спасительную тень, и яркое июньское солнце пробивалось сквозь ветки слепя-

щими пятнами. Ехалось на редкость хорошо: тёплый ветер бил в лицо, дорога была ровной, и казалось, что нам абсолютно никуда не нужно спешить.

Тургояк открылся за очередным поворотом. Огромный. Глубокий. И пронзительно, почти неестественно синий. За ним бесконечной грядой уходили горы — невысокие, округлые, до самых вершин поросшие плотным лесом. Ничего подобного в жизни видеть ещё не приходилось.

Мы припарковались у кромки берега. Камера послушно пошла вниз.

— Ну? — Антон победно зыркнул на меня. — Лучше твоих любимых гаражей?

— Немного, — слетело вместе с ухмылкой.

— Немного? — он сокрушённо покачал головой. — Скрамник челябинский.

На пляже было людно: отдыхающие на берегу, визжащие у воды дети, откуда-то негромко доносилась музыка. Но при этом здесь не было душной курортной толкотни — Урал всё-таки не Черноморское побережье. Тут всё ощущалось как-то иначе. Намного спокойнее.

Никита первым делом сбросил кеды. Пнул их в сторону не глядя: один кроссовок улетел ровно, второй завалился боком на гальку. Он зашёл в воду по щиколотку и тут же недовольно поморщился.

— На его языке это означает «ледяная», — тихо пояснила мне Яна.

Никита обернулся, словно услышав, недовольно передёрнул плечами от холода, но упрямо зашагал ещё глубже, поднимая тучи брызг.

Антон расстелил прямо на камнях свою ветровку, закинул руки за голову и зажмурился. Яна примостилась рядом, мельком проверила экран телефона и убрала его в карман — здесь, у озера, она за уведомлениями уже не следила.

Полина же стояла у самой воды. Заходить в озеро она не собиралась — просто застыла на месте, неотрывно вглядываясь в синеву. Но смотрела она не на горы и не на далёкий остров, а на саму водную гладь, будто силилась рассмотреть на глубине что-то, скрытое от остальных. Из-за озёрной влажности её светло-каштановые волосы закрутились ещё сильнее и путались на ветру, но она даже не пыталась убрать их с лица.

Камера послушно пошла вверх, ловя зумом её лицо — тонкое, застывшее, словно вырезанное из белого камня на фоне бескрайней воды. Полина не шелохнулась — объектив для неё по-прежнему не существовал. Палец привычным движением вдавил кнопку записи, фиксируя в один кадр глубокую синеву озера, дальние хребты и её хрупкий силуэт на переднем плане.

Поймав нужный план, пришлось опустить аппарат и подойти ближе.

— Что ты там высматриваешь? — тихо вырвалось, стоило остановиться рядом.

Она обернулась. В глазах мелькнуло секундное удивление, словно она вообще не ожидала, что к ней кто-то посмеет подойти.

— Бываю здесь часто, — ответила она на какой-то свой внутренний вопрос. — Когда одна, всё как-то по-другому. — Полина неопределённо кивнула куда-то в сторону горизонта. — Вон там остров. Видишь?

— Вижу.

— Остров Веры, — она прищурилась от слепящего солнца. — Там древние дольмены, им больше пяти тысяч лет. Археологи нашли внутри следы ритуалов: угли, кости животных, культовые предметы.

— Жертвоприношения? — интуитивно догадался я.

— Да, — Полина на секунду замолчала, глядя на воду. — Пока нашли только кости животных.

— Пока? — эхом отозвался мой голос.

Она снова перевела взгляд на меня, и уголки её губ едва заметно дёрнулись в бледной ухмылке:

— Пока.

Никита вышел из воды и опустился на гальку рядом со своим великом. Он явно слышал каждое слово — это стало понятно по тому, как резко повернулась его голова в нашу сторону.

— Про жертвоприношения ты, значит, знаешь, — глухо сказал он Полине. — А про катер слышала?

— Какой ещё катер? — вырвалось в ответ.

— Да был тут случай, — Никита поднял с берега плоский камень и принялся вертеть его в пальцах. — Ещё в советское время. При Союзе здесь пионерлагерь стоял, и пацаны поплыли на остров. Катер посреди озера взял и перевернулся.

— И что, все утонули? — подала голос Яна. Она тоже внимательно слушала, хоть и пыталась сохранить безучастный вид.

— Не все, — Никита с силой швырнул камень в воду. — Одна девчонка выжила.

— Как?

— Да хрен знает, — он на секунду замолчал. — Мне отец рассказывал. Говорил, она потом вообще ничего толком объяснить не могла. Талдычила только, что видела под водой людей. Будто они толпой стояли на самом дне и смотрели на неё снизу вверх.

— Утопленники, что ли? — лениво спросил Антон, даже не открывая глаз.

— Откуда я знаю? Сказала — просто стояли. На ногах.

— И она одна всплыла?

— Одна, — Никита запустил по воде очередной блинчик. — А они остались там.

На побережье повисла тяжёлая тишина.

— А твой отец откуда эту жуть знал? — спросилось как то само собой.

— Он в этих краях вырос, — Никита говорил ровно, без лишних эмоций. — Это потом он в Снежинск уехал, на сек-

ретку работать. Но историй разных до фи́га помнил.

— И он до сих пор там? В Снежинске?

Никита выдержал паузу — чуть дольше, чем требовали правила приличия.

— Нет, — коротко отрезал он. — Мы с матерью сюда переехали. А с отцом... в общем, по-другому всё получилось.

Вдаваться в подробности он не стал. Сгрёб в кулак последнюю горсть гальки, швырнул её в набегавшую волну и замер, неотрывно глядя на синюю гладь. Лезть к нему в душу в такой момент было бы полным безумием.

Антон приоткрыл один глаз, внимательно посмотрел на помрачневшего Никиту, но промолчал и снова зажмурился. Яна тупо уставилась в экран мобильного, но ничего не ли-стала — просто сжимала пластиковый корпус в пальцах.

Полина всё это время стояла неподвижно. А потом тихо, почти неосознано обронила в пространство:

— Интересно, каково это — остаться одной?

Мы все одновременно обернулись к ней.

— Что ты сказала? — вырвалось у меня в её сторону.

Она не сочла нужным повторять. Не спеша сняла кеды, аккуратно закатала джинсы до колен и сделала шаг вперёд, зайдя в воду по щиколотку. Вода была обжигающе холодной, но её лицо даже не дрогнуло. Она застыла посреди накатывающих волн и замороженно смотрела на Остров Веры, маячивший в сизой озёрной дали.

Никита молча перевёл на неё взгляд. Мой объектив сно-

ва пошёл вверх, фиксируя общую панораму: ярко-синяя, обманчиво спокойная гладь и Остров Веры, застывший в дымке горизонта.

Никита не выдержал этой паузы первым: решительно шагнул в набегающие волны — сначала по колено, затем по пояс, а потом и вовсе шумно нырнул с головой.

— Отличная вода! — крикнул он, выныривая.

— Ты пять минут назад говорил, что она ледяная, — напомнила Яна с берега.

— Теперь точно нормальная.

— И в чём разница?

— Привык.

Антон тоже разделся до шорт и побрёл в воду — медленно, комично корчась на каждом шаге и тихо матерясь себе под нос. Яна наблюдала за этим аттракционом со своего места на берегу с видом человека, который заранее принял мудрое решение остаться на суше и безгранично им доволен.

— Холодная? — вопрос выскочил сам собой, стоило остановиться рядом с Полиной.

— Нет, — покачала она головой, глядя в глубину.

— Совсем?

Она задумалась, словно подбирая единственно верное научное определение.

— Правильная, — наконец ответила она. — Не холодная и не тёплая. Именно правильная.

Моя обувь полетела на гальку. Озёрный прибой тут же об-

жѐг ступни — вода была дико, невыносимо холодной. Но уже через минуту пальцы полностью онемели, и дискомфорт исчез.

— Ладно, убедила. Правильная, — согласие сорвалось само собой.

Полина обернулась и впервые за эти два дня улыбнулась мне по-настоящему. Не вежливо, не одними уголками губ, а открыто и по-человечески. А затем снова опустила взгляд на воду.

— Здесь удивительная прозрачность, — тихо сказала она. — Дно просматривается метров на восемнадцать вглубь. Все обычно носятся с Байкалом, а Тургояк — второй по чистоте в стране.

— Не знал.

— Мало кто знает, — Полина наклонилась и погрузила руку в синеву почти по локоть. — Вода здесь особенная. Вообще не такая, как везде.

— И чем же?

— Не знаю, как объяснить... — она выпрямилась, разглядывая стекающие с пальцев капли. — Просто особенная.

Никита, лениво покачиваясь на воде звѐздочкой, подплыл чуть ближе к нашей паре:

— Полина каждый раз эту лекцию читает. Стоит приехать — сразу бежит к берегу и зависает.

— Не каждый раз, — беззлобно отозвалась она.

— Почти каждый, — хмыкнул он, пуская изо рта фонтан-

чик воды.

Спорить дальше она не стала, продолжая гипнотизировать озёрную гладь. Антон с шумом вынырнул рядом, подняв тучу брызг прямо на Яну. На берегу тут же вспыхнула привычная ленивая ругань: Яна брезгливо поджала губы, Антон бо-жился, что сделал это случайно, а Полина негромко, но очень искренне рассмеялась.

Взгляд мельком скользнул по её лицу: в этот момент она казалась совершенно другим человеком — совсем не той замкнутой девчонкой, что вчера угрюмо сидела на гаражном пятаке.

— Они всегда так? — удалось тихо поинтересоваться.

— Всегда, — кивнула она. — Класа с пятого. Это просто их особый язык общения.

Наконец пришлось выбраться из воды и пластом лечь на берегу. Нагретые камни приятно грели спину. Солнце пекло так усыпляюще, что под плеск волн незаметно накатила дремота.

Пробуждение вышло резким от приглушённого бубнежа Антона и Никиты. Солнце уже заметно сместилось к горизонту — судя по всему, пролетело часа два. Пацаны мрачно изучали пустой шуршащий пакет из-под хлеба.

— Там на въезде ларёк был, — подала голос Яна. — Минут пять пешком вдоль берега.

Никита нехотя поднялся, отряхивая шорты от песка. Полина бесшумно поднялась следом, словно заранее знала, что

тоже пойдёт, а Антон со страдальческим вздохом начал отрывать себя от земли.

Всей пятёркой двинулись вдоль кромки воды, лавируя между чужими полотенцами, надувными матрасами и припаркованными велосипедами. Вечернее солнце теперь мягко припекало нам в спины.

Полина шагала рядом — не намеренно, просто так совпало. Аппарат пришлось аккуратно убрать в наплечную сумку.

— Ты реально всегда снимаешь? — негромко спросила она.

— Почти.

— Зачем тебе это?

— Привычка, — последовал ответ после секундного раздумья. — Когда я смотрю в объектив, как-то лучше фиксирую реальность. Мелкие детали. То, что обычным взглядом упустишь, а потом ни за что не вспомнишь, если не записал.

Полина шла молча, переваривая услышанное.

— А у меня всё наоборот, — наконец тихо произнесла она.

— В каком смысле?

— Когда я не смотрю через камеру, я замечаю больше. А когда перед глазами экран, между тобой и миром всегда есть барьер. Словно чужое стекло.

Её замечание мгновенно зацепило, отозвавшись внутри какой-то пугающей логикой. Спора не получилось, оставалось только молча согласиться. Полина приняла это без вся-

кого торжества.

Ларёк оказался обычным железным киоском под выцветшим навесом. За стеклом — стандартный набор: мороженое, газировка, чипсы и семечки. Продавщица с таким упоением гипнотизировала маленький пузатый телевизор, что даже не повернула головы, когда компания заслонила свет в окошке.

Никита изучал витрину с суровым видом, словно перед ним лежал секретный военный документ.

— Так, чипсы или сухарики? — деловито спросил он.

— Чипсы, — выбрал Антон.

— Сухарики, — отрезала Яна.

— Я тоже за чипсы.

Все три пары глаз одновременно уставились на Полину, как на решающего судью.

— Мне мороженое, — она пожала плечами. — Я не голодная. Хочу эскимо.

— Это вообще-то не ответ на вопрос, — буркнул Никита, но спорить не стал и сразу повернулся к окошку: — Слышите, нам чипсы, сухарики и эскимо в глазури.

Расплатился он сам, не раздумывая, чьи это деньги. Яна молча сунула ему в руку примятую двадцатку, и он сгрёб её не глядя, пряча сдачу в карман спортивных штанов.

Развернувшись, все вместе не спеша пошагали обратно к велосипедам.

Полина на ходу разворачивала эскимо — аккуратно, снизу вверх, стараясь не порвать шуршащую обёртку. Откусила

кусочек и зажмурилась на секунду от удовольствия.

— Вкусно? — вопрос вылетел сам, пока шли рядом.

— Очень, — ответила она. — За городом мороженое всегда лучше.

— Почему это?

— Не знаю. Может, из-за жары, а может, место влияет. Или просто кажется.

— Полина везде умудряется найти какую-нибудь аномалию, — подал голос Никита. Без подколки, просто как общеизвестный факт. — Вода у неё особенная, мороженое — тоже, недавно вон трава была особенная.

Она промолчала, а затем вдруг в упор уставилась на меня:

— Ты когда-нибудь ложился на траву просто так, Егор?

— Нет как-то.

— Зря.

Никита с сухим шуршанием вскрыл пачку чипсов и протянул её компании. Какое-то время шли молча, наслаждаясь хорошим, сытым безмолвием.

— А вы в Снежинске долго жили? — вопрос сорвался с языка сам собой, возвращая к прошлой истории.

— Не особо, — Никита смотрел строго перед собой. — Я мелким был, когда уехали. Отрывками всё помню.

— И что помнишь?

— Да сплошные заборы вокруг. И колючая проволока на КПП. Отец твердил, что для закрытого атомного города это норма.

— Тяжело, наверное, так жить.

— Нормально. У него там была стратегически важная работа, про которую дома — ни слова. С детства привыкаешь к секретке.

Антон и Яна слушали нас молча, не вмешиваясь. Полина тем временем доела эскимо, аккуратно свернула липкую обёртку трубочкой и спрятала в карман джинсов.

— Он хороший был? — тихо, почти шёпотом спросила она, глядя на Никиту.

Тот на секунду притормозил и внимательно посмотрел на неё.

— Да, — глухо ответил он. — Хороший.

Больше вопросов Полина задавать не стала. Мы вернулись к велосипедам. Солнце уже заметно клонилось к закату, и густая тень от прибрежных сосен медленно поползла до самой воды. На побережье стало ощутимо прохладнее.

Полина легла на спину, закинула руки за голову и уставилась вверх. Она разглядывала небосвод с таким предельным вниманием, словно читала сложную карту.

— О чём думаешь? — вопрос сам нашёлся, стоило при moistиться рядом.

Она выдержала секундную паузу.

— Про облака, — тихо ответила она. — Вон то, видишь? Вылитая рыба.

Пришлось задрать голову, но никакого силуэта разобрать не удалось.

— Да где?

— Вон же, — она плавно повела рукой. — Справа хвост, видишь?

— По-моему, это просто белое пятно.

— Это рыба, — упрямо повторила она.

Антон приподнялся на локтях, прищурился в указанную сторону и хмыкнул:

— Слушай, реально похоже на карася.

— Вообще не похоже, — буркнул сбоку Никита. — Обычная кучевая фигня.

— Иногда кучевые формы вполне могут напоминать животных, — вмешалась Яна. — Это называется ассоциативным мышлением.

— Может, но конкретно этот кусок пара ничего не напоминает, — отрезал Никита.

Полина больше не ввязывалась в спор. Она молча смотрела вверх, а потом тихо, едва слышно прыснула со смеху себе под нос. Объектив послушно пошёл вверх, ловя в один кадр эту плывущую над хребтом рыбу и ее лицо с этой живой, ужасно милой улыбкой, которую она безуспешно пыталась спрятать.

Собирались лениво и не спеша. Антон чертыхался, разыскивая в траве свой улетевший кроссовок, а Яна дотошно перевязывала шнурки. Полина уже стояла, удерживая велик за руль, и молча ждала, пока банда закончит копошиться. Перед тем как Никита коротко скомандовал: «Погнали», — она

бросила на Тургояк один долгий, прощальный взгляд.

Обратно катили заметно медленнее. Вечернее солнце больше не палило, а вековой бор по бокам шоссе намертво блокировал остатки света, рождая длинные, жутковатые тени. Лес словно укрывал нас от внешнего мира, затягивая в свои сумерки. Приходилось ехать самым последним и монотонно фиксировать картинку: серую ленту дороги, мерно покачивающиеся спины ребят, плотную стену сосен.

В этот раз Никита даже не обернулся и не приказал выключить технику. То ли окончательно проигнорировал, то ли просто смирился с тем, что моя камера стала неотъемлемой частью нашего маршрута.

К дому Никиты добрались уже под вечер. Жил он на другом конце города, и вместо панельной пятиэтажки здесь стоял добротный двухэтажный частный дом. Небольшой, ухоженный, с просторным огородом за штакетником и раскидистой яблоней у самых ворот.

— Ничего себе, — удивление сорвалось само собой при остановке у забора. — Огромный какой.

— Обычный дом, — Никита привычно пожал плечами и толкнул калитку.

Его мать возилась в дальнем углу огорода — пересаживала какую-то рассаду. При виде компании её лицо мгновенно озарилось широкой улыбкой.

— Как дела у велосипедистов? — крикнула она, вытирая лоб тыльной стороной ладони.

— Всё нормально, мам.

Она подошла ближе, по очереди осматривая каждого. На Полине её взгляд задержался заметно дольше, а в глазах промелькнула искренняя, чисто взрослая тревога.

— Полин, ты сегодня вообще ела человеческую еду?

— Ела, — тихо отозвалась она.

— И что именно?

— Эскимо.

— Это не еда, — мать Никиты решительно отряхнула испачканные в земле руки. — Так, марш все в дом. Я сейчас картошки свежей наварю.

— Мам, да ладно тебе, не надо... — попытался вставить Никита.

— Никита.

— Ну мама.

— Я сказала — в дом.

Против такого тона аргументов не нашлось. Никита послушно зашагал к крыльцу, и вся группа цепочкой потянулась за ним.

Внутри всё было устроено просто. Не бедно, а скорее лаконично, без лишнего хлама: диван, старый телевизор, обеденный стол. На стене висели рамки с фотографиями: Никита совсем мелкий, Никита в форме первоклассника. На одном из снимков он стоял рядом с отцом — оба серьёзно смотрели в объектив, и мужчина крепко держал руку на плече сына. Пришлось поспешно отвести взгляд — лицо муж-

чины почему-то приковывало внимание слишком долго.

Антон по-хозяйски оккупировал диван, развалившись на нём как у себя дома. Яна аккуратно примостилась на самый краешек кресла. Полина устроилась прямо на ковре — не потому, что ей не хватило места, а просто так, по-турецки, оперевшись спиной об обшивку дивана.

— Напряжём телек? — крикнул Антон.

— Да включай, — отозвался Никита из кухни, где уже всю помогал матери.

Брат щёлкнул пультом и принялся лениво листать каналы: обрывки новостей, мыльная опера, бесконечная реклама. И вдруг замер.

— О, «Сверхъестественное» крутят.

На экране двое братьев-охотников медленно пробирались по заброшенному тёмному коридору, освещая путь фонариками под давящую, тревожную музыку.

— Я видела эту серию, — подала голос Яна.

— Да её все видели, — отмахнулся Антон.

— Тихо вы! — Полина резко повернулась к экрану, завожжённо впившись взглядом в картинку.

Из кухни тем временем донеслось аппетитное шкворчание — по дому поплыл густой аромат жареной картошки. Никита вернулся в комнату, бесшумно опустился на пол рядом с Полиной и тоже уставился на экран.

— Какой сезон? — спросил он.

— Без понятия, — пожал плечами Антон. — Плывут в

каком-то склепе.

На экране один из братьев толкнул массивную дверь, за которой колыхалась кромешная, неразличимая тьма. Камера зловеще и медленно наезжала на проём.

Яна смотрела на экран не отрываясь. Полина тоже застыла: подтянув блденные колени к самой груди, она до боли впилась в них зубами. За дверью на мониторе явно наметилось какое-то шевеление.

— У нас тут, вообще-то, тоже своя чертовщина имеется,
— негромко обронил Никита, не меняя позы.

— Какая ещё чертовщина?

— Ну, на озере, — он неопределённо мотнул головой в сторону окна. — На Миассово. Там после падения метеорита вообще странно стало. Соседка клялась, что по ночам над самой водой бьют вертикальные световые столбы. Ещё мужики с лесопилки трепались, будто слышали оттуда жуткие звуки. Гудело что-то. Низко так, монотонно.

Антон молча потянулся к пульту и полностью вырубил звук. Охотники на экране продолжали красться в темноте, но теперь — в гробовом, абсолютном безмолвии. И от этой внезапной тишины в комнате почему-то стало в сто раз страшнее.

— Поехали туда, — неожиданно предложил Никита.

— Куда именно? — спросил Антон.

— На Миассово. С ночёвкой.

Все три пары глаз одновременно уставились на него.

— С ума сошёл? — недоверчиво переспросила Яна. — Ночью?

— В темноте как раз интереснее.

— Никита, хорош. Это глупо.

— Да ладно тебе, погнажи, — оживился Антон. — Палатки возьмём, костёр разведём. Нормально же посидим.

Яна демонстративно промолчала. Полина в этот момент продолжала гипнотизировать экран — там один из героев наконец распахнул дверь до конца. Но за ней ничего не оказалось. Только глухая, непроницаемая тьма.

— Полин, ты как? — Никита легонько ткнул её пальцем в колено, заставляя отвлечься.

Она выдержала паузу, прежде чем тихо ответить:

— Я знаю там одно местечко. Как раз под палатки. И лаз в обход кордона.

Мы снова перевели взгляды на неё.

— Бывала на Миассово ночью? — любопытство заставило подать голос.

— Да, — просто кивнула она.

Никита пристально всматривался в её лицо. Без особого удивления — скорее так, словно давно обо всём догадывался.

— Ну и отлично, — подвёл итог Антон. — Едем.

В этот момент в комнату вошла мать Никиты, удерживая в руках дымящиеся тарелки.

— Куда это вы собрались? — спросила она, улавливая ко-

нец разговора.

— Да на озеро, мам, — быстро соврал Никита, незаметно пнув Антона ногой. — Завтра. На Тургояк опять, с палатками на пару дней. Подальше от пляжа отъедем.

Женщина аккуратно расставила порции на столе и на секунду неестественно замерла. Воздух в комнате словно разом стал тяжелее. Она внимательно посмотрела на сына, будто пыталась понять, врёт он или нет.

— Ешьте, пока горячее, — глухо выдохнула она.

Больше тетя Лена не проронила ни слова — просто развернулась и поспешно ушла обратно на кухню. Никита долго провожал её хмурым взглядом, а затем медленно перевёл глаза на Полину.

Но Полина его уже не замечала. Она неотрывно смотрела на монитор, где под финальную музыку уже ползли белые титры. Серия закончилась. Братья в машине снова ехали куда-то в ночь.

Миассово | Егор | 4 июня

В доме Никиты с самого утра пахло крепким чаем. Сборы назначили на восемь, и к этому времени все уже съехались, сонные и взъерошенные. Антон тоскливо завыл, привалившись к косяку прямо в прихожей. Яна, успевшая приехать первой, неподвижно гипнотизировала потолок. Полина, которая одна осталась здесь на ночёвку, сидела на стуле в углу — Никита, как выяснилось из утреннего бубнежа Антона, уступил ей свою кровать без единого слова, а сам устроился на полу в зале. Из кухни доносились едва слышные шаги тёти Лены — она передвигалась так бесшумно, словно за долгие годы выработала стойкую привычку не производить лишних звуков.

За завтраком тётя Лена почти не разговаривала. Молча расставила тарелки, села напротив и принялась медленно пить чай, спокойно изучая каждого из нас. На Полине её взгляд снова задержался.

— Ты сегодня домой, Полин? — спросила она.

— Нет, мы на озеро.

— Мать-то в курсе?

— В курсе.

Тётя Лена молча кивнула, поднялась и отнесла свою чашку в раковину.

— Никита, — позвала она, не оборачиваясь.

— М-м?

— Возьми фонарь. Нормальный, тяжёлый, а не свои телефоны.

— Мам, да зачем...

— Никита, — повторила она с нажимом.

Из коридора она вернулась с массивным металлическим фонарём на толстых батарейках. Положила его на стол прямо перед сыном.

— И наберите мне, как обустроетесь на берегу.

— Наберём.

Она пристально посмотрела на него — всего секунду, не больше — и ушла к себе. Никита покрутил увесистый корпус в руке и молча спрятал на самое дно рюкзака.

На финальные сборы ушёл целый час. Антон в последний момент вспомнил про забытый спальник и умчался домой, а Яна методично сверяла вещи со списком, заранее вбитым в телефон. Полина справилась быстрее всех — закинула в полупустой рюкзак только ветровку и зубную щётку.

— Это все твои вещи? — любопытство смешалось с беспокойством при взгляде на её тощую сумку.

— Мне хватит.

— Ночью у воды окоченеешь.

— Не окоченею, — она уверенно затянула лямки. — Июнь на дворе.

Из города выехали в половине двенадцатого. Педали крутить не пришлось — до Миасово было больше двадцати ки-

лометров по трассе. Антон умудрился подпрячь своего старшего приятеля Артёма на серебристой «четырнадцатой».

На заднее сиденье и в багажник кое-как втиснулись вчетвером, а меня как гостя усадили вперёд. За рулём сидел тот самый нескладный Тёма — тощий, сутулившийся даже сидя, будто кабина была ему мала. Восемнадцать лет, а держался за руль так, словно от этого зависела вся его репутация. Из хрипящих динамиков качал пацанский рэп, и Тёма старательно, чуть невпопад мотал головой в такт, то и дело трогая языком брекеты.

— Ну что, челябинец, как тебе прокачка? — крикнул он, перекрикивая басы. — Наклейку сзади видел? Сам клеил. Батя, конечно, не в восторге, но красиво же.

Антон сзади только понимающе хмыкнул, подыгрывая его напускной уверенности, а Никита демонстративно отвернулся к окну. Скоро ровный асфальт сменился ухабистой грунтовкой, которая вскоре и вовсе превратилась в разбитую глубокую колею. Машину ощутимо трясло, пластиковая панель дребезжала.

Полина всё это время неотрывно смотрела в боковое стекло, за которым бесконечной серо-зелёной стеной мелькали сосны.

— Ты реально кучу раз тут бывала? — вопрос вырвался сам собой, стоило повернуться к ней на пассажирском сиденье.

— Да, — не оборачиваясь, ответила она. — На автобусе

до Карасей, до нашей деревни. А оттуда уже пешком через лес. Это совсем недалеко от нашего дома.

— И сколько топать?

— Минут сорок примерно.

— Сорок минут? — Антон сзади аж присвистнул, подавшись вперёд между сиденьями. — Одна? По лесу в сумерках? Ну ты маньяк, Полина. Там же кабаны пешком ходят.

— И волки, — глухо добавил Никита, даже не поворачивая головы. — Мужики сказывали, зимой стаю у лесопилки видели.

— Зимой, — спокойно парировала Полина, наконец оборачиваясь. — Сейчас июнь. Волкам есть чем заняться.

— Вообще-то, ходить одной по неосвещённому лесу в приграничной зоне заповедника — это как минимум безответственно, — подала голос Яна из своего угла. — Мало ли на кого там можно наткнуться.

В голове от этой дискуссии сразу включились челябинские масштабы. Сорок минут в одиночку через глухую уральскую чащу. В городских мыслях это прочно ассоциировалось с жуткими сюжетами из «Криминальной России».

— И тебе вообще не стрёмно? — удивление сдержать не удалось.

Полина посмотрела прямо на меня как на дурака, но без всякой злобы:

— Нет. Там абсолютно не страшно. Я знаю там каждое дерево. Каждый поворот и каждую кочку. Когда досконально

знаешь место, страх пропадает.

— Чётко сказано! — авторитетно заявил с водительского места Артём, решительно переключая передачу. — Чисто пацанский расклад. Знание — сила, ёптыть.

Наконец машина с диким хрустом замерла у самой кромки берега. Музыка смолкла. Мы вывалились из душного, пропахшего бензином и дешёвыми чипсами салона на свежий воздух.

Миасово разительно отличалось от огромного Тургояка. Оно было заметно меньше, зажато со всех сторон плотным лесом и казалось пугающе тёмным. Вокруг стояла мёртвая тишина. Ни единого всплеска, ни шуршания птиц — лишь слабая, ленивая рябь у берега едва заметно нарушала это безмолвие.

Антон по-хозяйски огляделся по сторонам:

— Нормально. Глухомань то что надо.

— Слишком тихо, — поёжилась Яна.

— Наоборот, отлично, что никого нет, — отрезал Никита.

Полина уже уверенно зашагала вдоль побережья. Она не стала ждать, пока компания разберёт шмотки, а просто двинулась вперёд, точно зная свой маршрут в обход официального кордона.

— Погнали за ней, — скомандовал Антон, закидывая рюкзак на плечо.

Мы цепочкой потянулись следом, продираясь сквозь прибрежные заросли кустарника по едва различимой, заросшей

тропе. Метров через двести Полина наконец остановилась.

Перед нами открылась небольшая, скрытая за деревьями поляна у самой воды. Сосны окружали её ровным кольцом, оставляя пятачок открытого неба над головой. Посредине чернело старое, обложенное крупными булыжниками кострище.

— Мы на месте? — уточнил Антон, сбрасывая тяжёлую ношу.

— Да, сюда, — кивнула Полина.

— Сама это кострище соорудила?

— Нет, оно тут давно, от браконьеров осталось, — она аккуратно поставила свой полупустой рюкзак на траву. — Я просто знаю, что эта поляна здесь есть. Егеря сюда редко заглядывают.

— Но костёр всё равно палево, — глухо буркнул Никита, осматривая скрытый пятачок. — Если дым увидят с вышки, оштрафуют по полной. Придётся жечь аккуратно.

Началась расстановка лагеря. Антон ожидаемо запутался в кольях, и Яна молча отобрала у него детали, чтобы собрать всё как надо. Никита ставил свою палатку вообще без инструкции — сразу видно, походного опыта у него хватало.

Полина в сборах не участвовала. Она просто сидела на поваленном бревне у кострища и гипнотизировала воду. Подошёл и примостился рядом.

— Ты всегда именно на эту поляну сбегашь? — сорвался негромкий вопрос.

— Иногда, — тихо ответила она. — Когда нужно просто побыть.

— Побывать — это от чего-то или для чего-то?

Полина задумалась на секунду.

— От, наверное, — произнесла она. — И для. Одновременно.

Уточнять, от чего именно она бежит, желания не возникло, а сама она развивать тему не захотела.

За спиной Антон продолжал что-то увлечённо доказывать Яне, та отвечала сухо и коротко. Никита уже вовсю собирал сушняк вокруг поляны. Солнце стремительно тонуло за горизонтом. Водная гладь потемнела, наливаясь у берегов густой, почти угольной чернотой.

— Красиво здесь, — признал вслух.

— Да, — Полина ответила просто, без лишних восторгов.

Никита разжёл костёр — умело, с первой же спички, и сразу плюхнулся на брёвна рядом. Вскоре Антон с Яной добились свой квест с тентами, и на поляне наконец воцарился долгожданный покой.

Стемнело мгновенно. Небо над Миасово очистилось, и в какой-то миг над нашими головами разом рассыпались миллиарды ярких звёзд.

— Вот про это я и говорил, — нарушил молчание Антон.

— Про что? — последовал вопрос.

— Вот это и есть — не скучно.

Яна задрала голову вверх и коротко кивнула. Для её стро-

того характера это было равносильно высшей похвале. Никита подбросил в пламя толстый сук, и сноп золотистых искр с треском взмыл к сосновым кронам.

Полина неотрывно наблюдала за озером. А потом резко повернулась — впервые за вечер сделав это сама, без всякого повода.

— Ты сейчас нажмёшь на запись? — спросила она.

— Нет. Я спрятал аппарат в сумку.

— Зря. Доставай, можешь снимать. Тут сейчас... по-другому всё. Совсем не так, как днём.

Руки послушно выудили камеру. Объектив навёлся на бушующий костёр, на воду, поймал отражение звёзд в небе. А потом фокус плавно перевёлся на неё. Полина не отвернулась и не спряталась за волосы.

Мы сидели так долго. Жар от костра приятно согревал, Никита бдительно следил за углями и вовремя подкидывал дрова. Тьма вокруг с каждым часом становилась всё плотнее и вязче: глухой бор подступал с трёх сторон, а с четвёртой дышало прохладой чёрное озеро. Тяжёлый металлический фонарь лежал под рукой у Никиты, но зажигать его никто не хотел — всем вполне хватало бледного колеблющегося света, исходящего от догорающих поленьев.

Первым тишину нарушил Антон.

— Слышали историю про дом на Карла Маркса?

— Не-а, — отозвался из своего угла у костра.

— Стоит там один заброс. Старый, ещё советских времён.

Говорят, в восьмидесятых там жила обычная семья: муж, жена и двое детей, — Антон намеренно говорил медленно, выдерживая театральные паузы. — И вот однажды ночью они все пропали. Будто испарились. Ужин на столе остался, вещи на вешалках, входная дверь настежь. До сих пор ни единого следа. Дом так и пустует, местные туда ни ногой.

— Потому что он аварийный и вот-вот развалится, — приземлила его Яна.

— Или потому что до смерти бояться.

— Или потому что делать там абсолютно нечего.

— Яна, ну хорош.

— Что «хорош», Антон? Это же классическая городская легенда. Подобную чушь сочиняют про любую заброшку.

— Мне это сосед рассказывал, между прочим. Он сам тот дом караулил.

— И что же он там высмотрел?

— Да просто стены, — Антон пожал плечами. — Но клялся, что в окнах иногда мерцает свет. Глухой ночью.

— Это обычные бомжи.

— Яна!

— Бомжи, Антон, — спокойно и веско повторила она. — Самые обычные бродяги со свечкой.

Никита усмехнулся и подбросил в пламя сухую ветку.

— Твоя очередь, — он перевёл взгляд на Яну.

— У меня нет страшных историй.

— Все так поначалу говорят, — хмыкнул Антон. — А по-

том как выдадут.

— У меня правда ничего такого нет, — она плотнее подтянула колени к груди. — Отец дома подобные байки не травит. Твёрдит, что все эти ужастики — сказки для впечатлительных.

— Умный мужик, — признал Антон.

— Да. Умный.

— А сам он на службе сталкивался с чем-нибудь... из ряда вон? — негромко спросил Никита. — Ну, по линии полиции.

Яна выдержала долгую, тяжёлую паузу.

— Не распространяется, — тихо ответила она. — Про работу дома — ни слова. Но... — она на секунду запнулась. — Иногда он возвращается со смены, заходит на кухню и часами сидит там один в полной темноте. Даже свет не включает.

На поляне мгновенно воцарилось мёртвое безмолвие. Слышно было только, как трещит костёр.

— Вот это и есть по-настоящему страшная история, — едва слышно прошептал Антон.

— Это не история, — отрезала Яна, уставившись в землю.

Огонь уютно потрескивал, пожирая сушняк. Где-то в глубине заповедного бора надрывно крикнула ночная птица — один раз, затем второй, и испуганно смолкла.

— Мой черёд, — нарушил оцепенение Никита.

— Валяй, — кивнул Антон.

Никита перевёл взгляд на тёмную озёрную гладь и помолчал, собираясь с мыслями.

— Отец рассказывал, — начал он глухо. — Давно, я ещё мелким был. В Снежинске один мужик наткнулся ночью на странное свечение в лесу. Не фонарь, не фары машины — просто мертвенный голубоватый свет, висевший между соснами. Ну и пошёл посмотреть, дурак. Нашли его только через три дня, глубоко в чаще. Живого. Но он начисто лишился памяти. Вообще ничего не соображал: ни как ушёл со смены, ни где шатался трое суток, ни что там увидел.

— Обычная ретроградная амнезия на почве стресса, — заключила Яна.

— Может, и амнезия, — Никита неопределенно пожал плечами. — Но отец обмолвился, что в закрытых атомных городах такое периодически случалось. Люди натыкались на что-то в лесных секторах, а потом возвращались без памяти.

— А сам твой отец... видел это «что-то»? — подался вперёд от любопытства.

Никита пристально посмотрел на меня:

— Откуда мне знать. Он про секретку помалкивал.

На поляне снова повисло тягучее молчание. Взгляд невольно переместился на Полину. Она на протяжении всех этих разговоров сидела недвижимым силуэтом, уставившись на воду. Слушала она компанию или полностью провалилась в себя — понять было невозможно.

— Полин, — мягко подтолкнул её Антон. — Твой черёд.

Она ответила далеко не сразу, словно неохотно выныривая из мыслей:

— Я не умею рассказывать ужастики.

— Да ладно тебе, все умеют.

— Я правда не знаю ни одной байки, — Полина наконец повернулась к костру, и блики пламени отразились в её глазах. — Я знаю места. Не истории.

— В смысле — места? — прищурился Антон.

— Где что-то есть, — она плавно кивнула в сторону чёрной воды. — Вот здесь, например. На Миасово всегда что-то присутствует. Я не могу объяснить, что это. Просто физически его чувствую.

— С каких пор? — тихо, с каким-то особым нажимом спросил Никита.

Полина на секунду замаялась:

— Давно. Но после февраля стало в сто раз сильнее.

Поленья в кострище сухо затрещали, выбрасывая облако искр.

— После метеорита? — догадка сама собой сорвалась вслух.

— Да, — Полина снова отвернулась к озеру. — Как будто в ту ночь здесь что-то открылось. Или пришло откуда-то снаружи. Не знаю, как правильно сказать, чтобы вы не посчитали меня сумасшедшей.

Никита смотрел на неё долго, напряжённо и на редкость серьёзно.

— Я тоже его чувствую, — едва слышно обронил он. — Именно здесь.

— Я — нет, — призналась Яна. Она сделала паузу и добавила, глядя Полине в глаза: — Но я верю, что вы двое не выдумываете.

Для её закрытого характера это было колоссальным откровением. Антон удивлённо зыркнул на неё, явно не ожидая от отличницы такой сентиментальности.

— Спасибо, — искренне шепнула Полина.

Яна лишь едва заметно кивнула в ответ.

Антон шумно, демонстративно зевнул во весь рот, нарушая таинственную атмосферу:

— Так, банда, хорош ловить мандраж. Объявляю отбой.

Расходились неохотно. Яна скрылась в своём тенте первой, следом за ней уполз Антон. Никита посидел на бревне ещё минуту, а затем тоже поднялся, отряхивая шорты.

— Полина, — негромко позвал он, задерживаясь у входа.
— Не сиди тут долго, ладно?

— Не буду.

Он ушёл. На поляне остались только Полина и мой притихший силуэт. Костёр окончательно догорел, и лишь подёрнутые пеплом угли едва заметно тлели багровым светом.

— Иди спи, Егор, — тихо посоветовала она.

— А ты?

— Я ещё побуду немного.

Взгляд задержался на её лице: она по-прежнему гипнотизировала гладь Миасово, словно пыталась рассмотреть на глубине ускользающий ответ.

— Здесь абсолютно не страшно, — напомнила она напоследок. — Я же говорила.

— Говорила.

Хотел уж было подняться и зашагать к своей палатке, но напоследок обернулся. Хрупкий силуэт Полины застыл у умирающих углей на фоне бескрайней водной черноты. Чуть в стороне от бревна, у самой кромки примятой осоки, в багровых отсветах затухающего костра что-то блеснуло. Внимание привлёк валявшийся в грязи обрывок прозрачной пластиковой ленты со штрихкодом и какими-то мелкими английскими буквами — похожие наклейки обычно лепят на коробки с новой бытовой техникой и электроникой. Наверное, туристы бросили. Странно только, что лента была совершенно чистой, не успевшей пожелтеть от сырости или забиться илом, словно её сорвали здесь буквально вчера.

Подходить и проверять желания не возникло. Забравшись внутрь палатки, оставалось только растянуться на спальнике. Вокруг стояло глухое безмолвие, и лишь мерное, тяжёлое дыхание уже спавших Антона и Никиты хоть как-то разбавляло эту вязкую темноту. Сон не шёл. Взгляд уставился в нейлоновый потолок, прокручивая в голове слова Полины: «Как будто что-то открылось. Или пришло...»

Откуда-то снаружи, с той стороны, где догорал костёр, донёсся едва различимый звук — не сразу удалось понять, что это голос. Полина что-то говорила, почти беззвучно, на самой границе слышимого, будто боялась спугнуть тишину

громче шёпота. Слов было не разобрать целиком — только редкие обрывки, всплывающие сквозь шелест сосен: «Господи... помилуй... сохрани... избави... не сегодня...» Ритм был какой-то не разговорный, размеренный, почти речитативный, с одинаковыми паузами между фразами — так читают то, что знают наизусть с самого детства, а не то, что придумывают на ходу.

Спросить, что это было, или хотя бы прислушаться внимательнее, уже не хватило сил. Веки слипались быстрее, чем получалось за что-то ухватиться мыслью.

А затем незаметно для себя сознание провалилось в тяжёлое беспамятство.

Костёр окончательно погас. Полина осталась сидеть в полном одиночестве на самом краю берега, неотрывно вглядываясь в водную бездну. На противоположной, заповедной стороне озера царил кромешный мрак.

Пока ещё мрак.

Пробуждение вышло резким из-за странного звука. Поначалу даже не сообразил от какого, просто внутри палатки резко изменилось давление, а воздух словно стал более плотным и тяжёлым. А секундой позже донёсся гул. Налетел ветер — сначала тихий, свистящий, но он стремительно набирал силу и вдруг бахнул в тент так яростно, будто кто-то настежь распахнул дверь в другое, враждебное измерение.

Ткань над головой бешено затрепетала.

— Что за хрень? — спросонья промямлил Антон.

— Шторм, — коротко бросил Никита.

— Да вижу, что не штиль.

И тут хлынул ливень. Он обрушился без предупреждения, плотной стеной, словно сверху разом опрокинули гигантскую бочку с водой. Палатка натужно загудела под этим весом. Влага почти мгновенно начала сочиться сквозь швы, заливая спальники.

— Подъём! — скомандовал Никита.

Вскочил на ноги одновременно с парнями, в крошечной тьме, панически натываясь друг на друга локтями и головами. Никита лихорадочно щёлкнул своим массивным фонарём. Конструкция ходила ходуном, натянутые растяжки звенели, а пластиковые колышки едва удерживали дно в размокшем грунте.

— Держите дуги! — заорал Антон.

Мёртвая хватка намертво зафиксировала каркас изнутри: левый край оказался под моим нажимом, Антон навалился на правый, а Никита удерживал стойку у самого входа. Стихия яростно давила снаружи, нейлоновые стены прогибались внутрь, и вся палатка тяжело дышала под порывами, как испуганное живое существо.

Сквозь завывание бури донеслись приглушённые голоса девчонок из соседнего тента. Яна что-то истошно кричала, Полина ей отвечала. Слов было не разобрать — долетали только их испуганные интонации.

— Эй! Вы целы?! — изо всех сил крикнул Антон.

— Целы! — отозвалась Яна сквозь шквал. — Но нас топит!

— Нас тоже! Держать стены!

Ветер выл не замолкая. Бешеный стук капель по ткани сливался в один сплошной, оглушительный рокот, заглушающий любые звуки. Вода пробивалась отовсюду: хлестала снизу, просачивалась сверху. Снаряжение и одежда промокли насквозь за считанные минуты. От ледяной сырости и дикого напряжения мышцы на руках начало сводить тянущей судорогой.

Этот напор пришлось держать вечность.

А затем шторм так же внезапно пошёл на спад — удушающая волна давления ухнула вниз, ветер начал неохотно отступать вглубь леса. Гул дождя поутих, сходя на нет. Вокруг воцарилась зловещая тишина. После безумного грохота стихии это внезапное безмолвие буквально давило на барабанные перепонки, нарушаемое лишь редкими, тяжёлыми каплями, которые со стуком срывались с сосновых лап на наш помятый тент.

— Всё закончилось? — хрипло спросил Антон.

— Кажется, да, — выдохнул Никита.

Сведенные мышцы наконец удалось расслабить, после чего последовало обессиленное падение прямо на мокрое дно палатки — стоять на ногах не было никаких сил.

— Яна! Полина! — крикнул Никита в сторону соседней палатки.

— Мы здесь, — отозвалась Яна. Её голос звучал на удивление спокойно, но заметно тише обычного.

— У вас всё в порядке?

— В порядке. Только плаваем вовсю.

Антон бессмысленно теранул лицо рукавом куртки, но ткань была мокрой насквозь, и это нифига не помогло. Никита повёл лучом своего массивного фонаря по нашему жилищу. Дно палатки зловеще поблёскивало, все вещи и рюкзаки плавали в лужах.

— Весело, — резюмировал Антон.

— Не то слово, — буркнул Никита.

И в этот момент вспыхнул свет.

Вспыхнул мгновенно, без предупреждения. Нас словно разом накрыло лучом колоссального армейского прожектора. Нейлоновый купол палатки озарился яростным мертвенно-белым сиянием — ткань светилась вся целиком, каждая ниточка излучала этот ровный, холодный, лишённый теней поток. У него не было конкретного источника, это люминесцентное марево шло отовсюду.

Секунды три в лагере никто не смел издать ни звука.

— Что за чертовщина... — панически прошептал Антон.

— Без понятия.

— Может, тачка какая-то подъехала?

— Какая, к чёрту, тачка, Антон? Мы посреди глухой тайги, идиот.

Никита, перебарывая оцепенение, уже потянулся к замку

спасительной молнии у входа:

— Надо проверить девчонок.

— Стой.

Голос Полины донёлся из соседней палатки, сквозь мокрую нейлоновую перегородку. Он прозвучал так чётко и близко, будто она стояла в одном сантиметре от нашего укрытия.

— Полин, я сейчас к вам загляну...

— Стой, — повторила она. Тихо. Но с такой леденящей, неестественной интонацией, что Никита замер как вкопанный. Его пальцы, сжимавшие собачку молнии, даже не шевельнулись.

— Почему? — глухо спросил он в пустоту.

Ответ из соседней палатки не пришёл.

— Полина, чёрт возьми, что там происходит? — не выдержал Антон.

— Не смейте выходить, — её голос сорвался на шёпот.

— Да почему?!

— Не выходите! — она вдруг закричала дурниной на всю поляну, на весь глухой лес и мёртвое озеро. — Никто! Слышите?! Сидите внутри! Не выходить!

Антон испуганно отпрянул вглубь купола. Судорожно сжался следом. Никита медленно, словно обжёгшись, убрал пальцы от замка.

— Яна, сиди там и не вздумай открывать! — истошно добавила Полина.

И всё разом смолкло.

Аномальный белый свет по-прежнему беспощадно резал снаружи, прошивая нейлон палатки насквозь и заливая нас этим холодным неоновым маревом. Никита неотрывно гипнотизировал светящийся полог, затем переводил взгляд на молнию, а потом снова на свет.

— Полина, — позвал он тихо, с трудом сглатывая слюну.

— Объясни, почему нам нельзя наружу.

— Просто не выходи, Никит, — умоляюще отозвалась она. — Пожалуйста.

Антон косился на меня, а мой взгляд во все глаза косился на него. Никита застыл в глухом, неподвижном оцепенении.

Время словно заклинило. Минута пролетела или целых десять — разобрать было невозможно. Люминесцентное сияние не двигалось, не дрожало и не тускнело, оно просто статично стояло стеной. И вдруг всё неожиданно погасло.

Точно так же, как и появилось: в один миг мир вокруг схлопнулся, и нас накрыла привычная, сырая ночная темнота. Без всяких прожекторов.

Долгое время в лагере никто не решался нарушить безмолвие. Первым шумно, судорожно выдохнул Антон:

— Что это сейчас было?..

Никита не счёл нужным отвечать. Он продолжал сверлить взглядом молнию, которую так и не рискнул расстегнуть.

— Полина! — крикнул Антон громче, теряя терпение. — Что это за хрень была?!

В ответ из соседнего тента потянулась тяжёлая пауза. Наконец донеслось:

— Не знаю.

— Ты орала как резаная, чтобы мы сидели внутри. Значит, точно что-то знаешь!

— Я понятия не имею, что это такое, — глухо выдохнула она. — Но я чётко знала, что выходить на этот свет нельзя.

— Да откуда ты могла знать?!

Полина промолчала.

Никита обессиленно повалился прямо на мокрый спальник, не снимая отсыревшей шмотки. Закрыв глаза.

— Ладно. Спим. Утром со всем этим разберёмся.

Антон послушно лёг следом. Спину тут же налило тяжестью. Оставалось только вытянуться на мокром спальнике.

Впотьмах не под силу было ничего, кроме как лежать и прислушиваться к каждому шороху. Снаружи стояло мёртвое, гробовое безмолвие — затихли даже редкие капли. И прямо перед тем, как окончательно отключиться, пришло сокрушительное осознание одной вещи: в моей правой руке был намертво зажат пластиковый корпус камеры. Хватка не разжималась на протяжении всей этой чертовщины, хотя в памяти даже не зафиксировался момент, когда аппарат оказался выужен из сумки.

На маленьком торцевом индикаторе испуганно моргал красный огонёк. Запись была включена.

Утром мокрым оказалось абсолютно всё.

Спальники, одежда, рюкзаки — вещи насквозь пропитались влагой. Выбрался наружу первым. Прибрежная трава блестела от капель, а над потемневшей густой белой пеной струился плотный туман. Раннее июньское солнце только-только начинало пробиваться сквозь сосновые кроны. Вокруг стояла сонная прохлада, наполненная мирным щебетанием птиц и ленивым шуршанием воды у берега.

Антон вывалился следом. Хмуро посмотрел на сырой спальник, который тащил за собой, и брезгливо швырнул его обратно в палатку.

— Всё, — категорично отрезал он.

— Что «всё»? — от сидения на корточках затекли ноги, и вопрос вышел смазанным.

— Я больше в походы ни ногой. До конца жизни.

— Ты заявляешь это каждый раз, — Яна уже стояла у своего тента. Собранная, аккуратная, с убранными в хвост волосами — казалось, жуткая ночь на подтопленном полу вообще никак на ней не сказалась.

— И каждый раз я говорю это на полном серьёзе, — буркнул брат.

— Ты то же самое говорил прошлым летом.

— Тогда тоже был тропический ливень?

— Нет, но тебя укусила оса.

— Всё равно. Контекст одинаково паршивый.

Никита вышел из палатки молча. Первым делом он замер и пристально уставился на тот участок побережья, от-

куда ночью исходил невозможный белый свет. Там не обнаружилось ровным счётом ничего странного. Просто пустой берег, изломанная штормом прибрежная осока да примятая дикая трава.

Полина появилась последней. Она застыла у самого входа и тоже устремила взгляд на поросший кустарником мыс. Долго, неотрывно. На секунду даже показалось, что она перестала дышать.

— Жрать охота, — Антон лениво почесал живот, оглядывая лагерь. — Яна, у нас из еды вообще хоть что-то уцелело?

— Ничего сухого, — ровным голосом ответила та. — Всё промокло насквозь.

— Идеальней некуда, — Антон попробовал примоститься на бревно, но оно было сырым, так что он сразу поморщился. — Предлагаю сворачиваться и валить завтракать в город. Прямо сейчас наберу Артёму, пусть подгребаёт на своей чётырке.

Никита молча кивнул и выудил мобильник. Проверив сеть, он спрятал его обратно, а затем не спеша побрёл вдоль кромки воды, чтобы размять затёкшие за ночь ноги, как вдруг замер метрах в тридцати от наших палаток, неотрывно разглядывая прибрежные заросли осоки. Почти сразу же донёсся его голос:

— Эй, народ, притормозите. — Он махнул рукой, подзывая нас ближе. — Быстрее сюда, — скомандовал он, уже не оборачиваясь.

Мы цепочкой бросились следом.

В густой сырой траве лежал человек.

Он уткнулся лицом в грязь, одна рука была неестественно подогнута под грудь, вторая — безвольно вытянута в сторону. Мокрая, порванная штормовка, дорогие джинсы и явно импортные трекинговые кроссовки. Рядом в грязи валялся плотный плечевой кофр, из расстёгнутого кармана которого торчал какой-то сложный цифровой прибор.

Антон первым опустил на корточки:

— Он дышит вообще?

— Без понятия.

Брат осторожно потряс незнакомца за плечо:

— Эй! Паря, ты как? Слышишь меня?

В ответ — тишина.

— Переверните его, — глухо приказала Яна.

Никита и Антон аккуратно перекатали парня на спину. Лицо у него было совсем молодое, лет двадцати с небольшим, пухлое и покрытое свежими багровыми ссадинами от веток. Очки отлетели на полметра в сторону и сиротели в грязи, одно круглое стекло покрывала густая сетка трещин.

— Дышит, — Никита приложил пальцы к шее незнакомца. — Грудная клетка ходит. Пульс частый, но ровный.

— Слава богу, — выдохнула Яна.

— Так, народ, вызывайте скорую! Быстрее, с мобилы кто-нибудь! — панически крикнул Антон, оглядываясь на девчонок.

— Стой, — жёстко осадил его Никита. — Какая скорая в закрытую заповедную зону, идиот? Егеря первыми приедут и нас тут заруют за нелегальный лагерь.

В этот момент европеец распахнул глаза. Он принялся бешено, испуганно моргать, дико оглядываясь по сторонам, как человек, начисто потерявший пространственную ориентацию. Увидев наши лица, он судорожно глотнул ртутный озёрный воздух и открыл было рот.

— Where... — хрипло выдавил он. А затем перешёл на беглый французский, выплёскивая цепочку быстрых, абсолютно непонятных слов. Наконец он снова сорвался на английский: — Where is my team?!

— Егор, чё этот француз там лопочет? — Антон за рукав дёрнул меня.

— «Тим»... команду свою ищет, кажется, — с трудом выцепив знакомое слово из потока речи, отозвался я. — Группу вроде.

— Какая ещё группа?

Иностранец попытался приподняться. Никита аккуратно подхватил его под спину, помогая сесть в грязи. Парень застыл и уставился ровно в ту же точку на дальнем берегу, которую только что гипнотизировала Полина.

— They went into the water, — едва слышно прошептал он, и его затрясло. — All of them. They just... dead.

— Вотер... — уловил я одно из немногих по-настоящему знакомых слов из школьной программы. — Вода, кажется.

Он говорит, они... в воде, — на последнем слове запнулся, не уверенный, что расслышал и понял правильно, но по тому, как исказилось лицо бельгийца, сомнений уже не оставалось. — Мертвы, наверное.

— Кто ушёл-то?! — Антон окончательно побледнел.

— Экспедиция его научная, наверное, — угрюмо отозвался Никита, чей взгляд косился на сломанные очки иностранца и эмблему на его куртке. Сам он тоже напряжённо всматривался в тёмную озёрную гладь.

— Something took them, — чужеземец мёртвой хваткой вцепился в рукав Никиты. — I couldn't stop it. I tried but my fingers... I couldn't...

Разобрать его сбивчивую речь уже не получалось, но отчаянный жест говорил сам за себя. Он осёкся, захлебнувшись воздухом, и снова провалился в немой, остекленевший ступор, уставившись на воду. Полина на краю поляны замерла натянутой струной, зеркально повторяя его позу.

Никита на секунду зажмурился, сбрасывая оцепенение, а затем резко открыл глаза. На его лице проступила глухая, леденящая душу сосредоточенность.

— Никакой скорой, — жёстко отрезал он, глядя на Антона. — Яна, звони отцу. Прямо сейчас.

Яна уже набирала номер, отступив на пару шагов к соснам. Разговор вышел коротким: она ровным голосом доложила, что на Миасово нашли истощённого, не говорящего по-русски иностранца, что скорую вызвать нельзя — терри-

тория закрытая, и что нужна его помощь. Судя по тому, как быстро она закончила разговор, майор не стал тратить время на расспросы.

— Едет сам, — сказала она, убирая телефон. — Сказал ждать здесь и больше никому не звонить.

Внимание по-прежнему намертво приковывал иностранец, но его собственный взгляд был упрямо направлен в заповедную сторону. Как будто на противоположном берегу велось судорожное предрассветное сканирование. Или поиск кого-то конкретного.

Руки непроизвольно вскинули камеру, переводя объектив на водную гладь. Там, на заповедной стороне, колыхался только туман. Белый, плотный, утренний — под бледным сиянием рассвета он медленно растворялся рваными грязными лентами над макушками сосен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.